

Вестник
Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

*№ 1 (14)
2018*

ISSN 2587-9472
Эл № ФС77-68095

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-68095

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 1 (14)' 2018

Электронный научный журнал (электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.

Заместитель главного редактора:

Липунов В.И.

Редакционный совет:

Председатель – **Малышев Н.Г.**, чл.-корр. РАН, д-р техн. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Заместитель председателя – **Семенов А.В.**, д-р экон. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Заместитель председателя – **Руденко Ю.С.**, д-р пед. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Букалерева Л.А., д-р юрид. наук, проф. (Московский университет им. С.Ю. Витте);

Землин А.И., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ (ФГБОУ ВО «Московский государственный университет путей сообщения Императора Николая II»);

Марченко М.Н., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки РФ, Почётный президент Ассоциации юридических вузов (МГУ им. М.В. Ломоносова);

Сауляк О.П., д-р юрид. наук, проф. (Московская коллегия адвокатов «Юристы-профессионалы»);

Шамба Т.М., д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист РФ (Коллегия адвокатов «ТАМИР» г. Москвы).

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. Витте», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ	7
<i>Дорохов Николай Иннокентьевич</i>	
ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	15
<i>Куксин Иван Николаевич</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПУТИ ЕГО РАЗВИТИЯ В РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	22
<i>Зейналова Лариса Михайловна</i>	
ОПТИМИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ	26
<i>Юрчук Василий Степанович</i>	

ГРАЖДАНСКОЕ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О ДОГОВОРНОЙ ПРИРОДЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТРАХОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	32
<i>Соцкова Наталья Ивановна</i>	
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО РАЗДЕЛУ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО ИМУЩЕСТВА БЫВШИХ СУПРУГОВ	40
<i>Милушева Татьяна Владимировна, Яковлева Анна Петровна</i>	
ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ	43
<i>Щербакова Лилия Геннадиевна, Чепурнов Максим Андреевич</i>	
КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ОТПУСК ПРИ УВОЛЬНЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИОРИТЕТА ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА № 132 ОБ ОПЛАЧИВАЕМЫХ ОТПУСКАХ	46
<i>Кирилин Алексей Владимирович</i>	

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

ВЗЯТКА: ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)	51
<i>Каменская Елена Викторовна</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССА И БЕЗОПАСНОСТИ ФСИН РОССИИ	58
<i>Лапицкий Юрий Анатольевич</i>	

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА	61
<i>Пшеничная Виктория Викторовна</i>	
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ	
СТ. 212.1 УК РФ	65
<i>Воеводина Александра Игоревна</i>	

CONTENTS

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

STATUS AND PROBLEMS OF FEDERAL RELATIONS DEVELOPMENT IN RUSSIA.....	7
<i>Dorokhov N.I.</i>	
THE FORMATION OF THE WELFARE STATE IN MODERN RUSSIA.....	15
<i>Kuksin I.N.</i>	
ACTUAL PROBLEMS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AND WAYS OF ITS DEVELOPMENT IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE.....	22
<i>Zeynalova L.M.</i>	
OPTIMIZATION OF THE STATE POLICY IN THE FIELD OF PROTECTION THE INTERESTS OF CHILDREN	26
<i>Urchuk V.S.</i>	

CIVIL, BUSINESS AND CONTRACT LAW

TO THE QUESTION OF THE CONTRACTUAL NATURE OF THE INSURANCE OF INSURANCE OBLIGATIONS	32
<i>Sotskova N.I.</i>	
SOME OF THE ISSUES OF LAW ENFORCEMENT ON THE DIVISION OF JOINT PROPERTY BETWEEN THE FORMER SPOUSES	40
<i>Milusheva T.V., Yakovleva A.P.</i>	
THE PROBLEM OF CLASSIFICATION ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION	43
<i>Scherbakova L.G., Chepurnov M.A.</i>	
COMPENSATION FOR UNUSED HOLIDAY AT DISMISSAL: PRIORITY PROBLEMS OF APPLICATION OF THE CONVENTION OF THE INTERNATIONAL LABOUR ORGANIZATION NO. 132 ON HOLIDAYS WITH PAY	46
<i>Kirilin A.V.</i>	

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

BRIBE: CRIME, PUNISHMENT, PREVENTION (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS).....	51
<i>Kamenskaya E.V.</i>	
TOPICAL ISSUES OF PROCESS AND SECURITY OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA.....	58
<i>Lapitsky Yu.A.</i>	
LEGAL ASPECTS OF PSYCHOLOGIST	61
<i>Pshenichnaya V.V.</i>	

SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION AND APPLICATION OF THE ARTICLE 212.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	65
<i>Voevodina A.I.</i>	

УДК 34.241

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Дорохов Николай Иннокентьевич,

канд. ист. наук, профессор,

профессор кафедры теории и истории государства и права,

e-mail: arnita@mail.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте,

<https://www.muiiv.ru>

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы государственного устройства России, анализируется их состояние, выявляются проблемы и тенденции развития федеративных отношений.

Ключевые слова: государственное устройство, федерализм, федеративная система, субъекты Федерации, федеративные отношения

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-7-14

Государственное устройство как конституционно-правовой институт есть закрепленное нормами права устройство территории государства, правовое положение его составных частей, принципы взаимоотношения между государством в целом и его составными частями.

Исторически Россия (отечественное государство) всегда являлась сложным по характеру территориального устройства государством: **Древняя Русь** (конфедерация, союз относительно самостоятельных русских княжеств); **Россия (Российская империя)** – сложное монархическое государство; **Советская Россия (РСФСР)** – федерация, построенная на основе национального принципа и права наций на самоопределение; **СССР** – сложное союзное государство, федерация союзных республик с правом свободного выхода союза; **Россия (Российская Федерация)** – федерация как сложная система государственного устройства, сочетающая федерализм, унитаризм и автономию в составе республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области и автономных округов – субъектов федерации, обладающих юридически определенной самостоятельностью [1, с. 12–46, 99–217, 239–252, 274–301, 369–382; 2, с. 82–109].

Конституционные основы национально-государственного устройства России (федеративных отношений) установлены в статьях 1, 4, 5 гл. 3 Конституции РФ и включают в себя: принципы государственного устройства (ст. 1, 4, 5); состав (ст. 65) и статус (ст. 5, ст. 66) субъектов Российской Федерации; порядок принятия в федерацию и образования новых субъектов (ст. 65); основы правового положения каждого из видов субъекта (ст. 66); порядок изменения статуса субъекта (ст. 66); вопросы территории и порядок изменения границ между субъектами федерации (ст. 67); государственный язык и право республик на установление своего государственного языка (ст. 68); гарантии прав коренных малочисленных народов (ст. 69); государственную символику Российской Федерации (ст. 70); предметы ведения Российской Федерации (ст. 71); предметы совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72); порядок действия федеральных законов по предметам ведения и вне их предела, верховенство федеральных законов (ст. 73, ст. 76); основы формирования системы органов государственной власти субъектов (ст. 77); основы деятельности федеральных органов исполнительной власти на территории субъектов (ст. 78); право Российской Федерации на участие в межгосударственных объединениях (ст. 79).

Важными источниками, детализирующими основы национально-государственного устройства (федеративных отношений), являются также федеральные законы, например, ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» и др.; конституции и уставы субъектов федерации; договоры между федерацией и ее субъектами по вопросам их ведения (особая роль принадлежит Договору о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной

власти субъектов, известному как Федеративный договор от 31 марта 1992 г.). Большое значение для регулирования федеративных отношений, особенно в последнее время, имеют указы Президента Российской Федерации, например, Указ Президента России «О структуре федеральных органов исполнительной власти» (от 21 мая 2012 г. № 636).

Несмотря на достаточную полноту правового закрепления основ федеративного устройства и характера федеративных отношений, отдельные положения Конституции РФ не лишены ряда неточностей, что, безусловно, приводило ранее к деструктивным решениям и действиям со стороны руководителей ряда субъектов. Эта тенденция сохраняется и в наши дни.

Справедливости ради отметим, что Конституция РФ 1993 г. принималась в весьма непростых условиях хрупкого гражданского мира и нестабильного согласия, установленного после вооруженного противоборства (осень 1993 г.). Ее проект готовился без должного учета перспектив развития российской государственности, порой с позиции своеобразного представления о государственной власти и государственном суверенитете. В тот период господствовала эйфория «парада суверенитетов», усиленная неоднократными призывами Б.Н. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Эти высказывания напрямую были подхвачены руководством многих будущих субъектов федерации, существенно пропитали конституционно-правовую модель федеративного устройства России, предопределили характер складывающихся федеративных отношений.

И, как результат, при заключении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти суверенных республик в составе Российской Федерации (31 марта 1992 г.), республики в составе Российской Федерации, как можно видеть из заголовка Договора и текста его преамбулы, были названы суверенными государствами.

При принятии Конституции РФ в 1993 г. термин «суверенные» в отношении республик в составе Российской Федерации при определении их статуса (ст. 5, ст. 66) был исключен. Но при этом в разделе втором «Заключительные и переходные положения» он вновь фигурировал: «В случае несоответствия положениям Конституции Российской Федерации положений Федеративного договора – Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти суверенных республик в составе Российской Федерации... – действуют положения Конституции Российской Федерации» (п. 1).

Можно предположить, что разрешение несоответствия указанным путем относилось в большей степени к понятию «суверенные» при характеристике республики в составе Российской Федерации. Но второй аспект оцениваемого несоответствия (определение республики как государства) в тексте Конституции Российской Федерации остался. Смеем заметить, что такая конституционная характеристика республики не давала покоя отдельным республикам-государствам и их руководителям и не привносила стабильности в характер и содержание федеративных отношений. И только в последние годы, во многом благодаря жесткой общегосударственной позиции Президента Российской Федерации и инициированным им рядом государственных институтов, прежде всего, института полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе (Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849), была обеспечена достаточная стройность федеративных отношений.

Однако проблемы не сняты, их осмысление и решение позволяют говорить о перспективах развития федеративного устройства, совершенствования федеративных отношений. К таковым автор относит следующее.

Первое. Многосубъектный состав Российской Федерации и многовидовой состав субъектов федерации, их неоднозначное по Конституции РФ положение. Обратимся к Основному закону Российской Федерации, в частности к ст. 5, ч. 1 «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации», ч. 2 «Республика (государство) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федерального значения, автономная область, автономный округ имеют свой устав и законодательство». Подойдем с позиции научного критического анализа и просто здравого смысла: если часть 1 говорит о равноправном положении (статусе) субъектов, то почему тогда часть 2 определяет, что республика – это государство, имеет свою конституцию и законодательство; все остальные

субъекты имеют свой устав и законодательство, что, безусловно, говорит о не совсем равноправном и равнозначном положении субъектов в составе Российской Федерации.

В настоящее время в России 22 республики, и если следовать формальной логике ч. 2, ст. 5 Конституции РФ, то на территории России находятся 23 государства: Российская Федерация (ст. 1) и 22 республики-государства; а если вновь обратиться к ч. 1, ст. 5 – к положению о равноправных субъектах Российской Федерации, то можно предполагать, что количество государств-субъектов в составе РФ – 85. Каждый из субъектов, заметим, имеют свою особую, свойственную ему государственную власть; свою структуру органов государственной власти, зачастую со своими наименованиями, со свойственным им характером компетенций и объемом полномочий.

В итоге получается, что на сегодняшний день в России, в рамках одной страны существует 86 государственных властей (федеральная государственная власть и субъектная государственная власть), 86 глав государств (федеральный президент и руководители-главы субъектов), 86 правительств (федеральное правительство и правительства субъектов РФ) и т.д., и все по 86 (систем законодательства, налоговых систем, систем государственной службы и пр.). Все это говорит о наличии множества различных юридических и фактических коллизий, противоречий и нонсенов [3, с. 45–48].

В сегодняшних условиях данную ситуацию можно исправить, но всего лишь частично (через принятие соответствующих федеральных конституционных и федеральных законов, иных решений), однако это будет лишь временная мера. По всей видимости, назрела необходимость проведения цельной федеральной реформы, а точнее общегосударственной реформы в области федеративного устройства, в ходе которой следует разрешить все имеющиеся коллизии, принять необходимые меры по сокращению субъектного состава Российской Федерации и оптимизации их статусного положения. Восемьдесят пять субъектов (а первоначально, с принятием Конституции РФ было 89 субъектов), это просто много, а для России это, как показывает реальность, чрезмерная тяжесть. Даже СССР, государство гораздо более мощное во всех отношениях – экономическом, социально-политическом, демографическом и т.д., и то насчитывало 15 субъектов – союзных республик.

К слову, в 2000-е годы был подготовлен ряд проектов реформирования федеративного устройства России: от администрации Президента РФ, от общественно-политических объединений (партий), от научного сообщества, в которых состав субъектов фигурировал от 29 до 46 субъектов. Думается, что в будущем, после очередных выборов Президента РФ (март 2018 г.), к этим вопросам необходимо обратиться снова. Ключевая роль в совершенствовании федеративного устройства и развития федеративных отношений, безусловно, принадлежит Президенту РФ. Существует также Конституционный Суд, который вправе давать официальное толкование конституционных норм на основании запросов определенных органов государственной власти и группы должностных лиц – Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, одной пятой части членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительства РФ, Верховного Суда РФ, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Такая инициатива в обращении с запросом в Конституционный Суд за официальными разъяснениями, по крайней мере, на данной стадии государственно-правового развития России, позволила бы унифицировать понимание российского общества относительно цельности характера государственно-го устройства и организации государственной власти, перестала бы вводить в заблуждение общественное мнение о множественности государств на территории России и о своей государственной власти каждого субъекта Российской Федерации.

Второе. В последнее время в научной периодике поднимается и весьма активно обсуждается широкий круг проблем, связанных с системностью российского федерализма как конституционно провозглашенной модели территориального устройства Российского государства, его онтологических основ и системных свойствах федерации [4, с. 15–25; 5, с. 34–45].

В работах Н.М. Добрынина, М.В. Глигич-Золотаревой, В.Д. Зорькина, И.А. Умновой, В.А. Черепанова и др. отмечается, что любые федеративные системы (Россия не исключение) подвергаются постоянным воздействиям как извне, так и изнутри, что обуславливает их предрасположенность к соответствующим изменениям. Акцентируется внимание на том, что внешние воздействия и вызовы, с которыми в последнее время сталкивается Россия, требуют все более полной имплементации идей суб-

сидиарности во внутригосударственной практике федерализма. Обосновывается вывод о том, что только на этой основе возможно обеспечение системной структурно-функциональной целостности российской модели федеративного государственного устройства.

С данными теоретическими и практическими выводами трудно не согласиться. Оптимизация федеративных отношений, осмысление и поиск решения насущных задач развития российского федерализма, связаны не только с дальнейшей проработкой и реализацией норм, принципов, институтов конституционного права, но и с совершенствованием политической, экономической, социальной и культурной сфер российского общества.

В связи с этим отметим, что проблемы российского федерализма находятся в диалектической связи со всеми иными проблемами и вызовами, характерными для других сфер общества. Применительно к России в качестве примера выделим:

а) в политической сфере – порядок формирования высших органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов РФ; совершенствование норм избирательного права и избирательных процедур; формирование кадровой политики как в центре, так и на местах (проблема кадрового резерва высшего административного аппарата) и др.;

б) в экономической области – оптимизация в формировании федерального и регионального бюджетов; создание подлинных основ развития рыночных отношений (достижение баланса «власть – бизнес»); не допускать ухудшения материального положения населения; нахождение баланса, обеспечивающего устойчивое экономическое развитие страны и выполнение всех социальных обязательств государства; оптимизация распределения доходов между федеральным центром и регионами и др.;

в) в социальной сфере – обеспечение гарантированного доступа к пакету социальных благ, установленных государством, каждому российскому гражданину, где бы он не проживал, в каком регионе, субъекте РФ; исключить социальное неравенство регионов, где качество жизни могло быть ниже определенного стандарта; обновление самих социальных основ как общегосударственной, так и региональной политики и др.;

г) в культурной сфере – развитие всех сфер культурного развития общества – театра, кино, литературы, музейного дела, изобразительного искусства, художественного творчества; возрождение и развитие культурной самобытности народов России, народного творчества; формирование поколений патриотов, общества высоконравственных и образованных людей и др.;

д) в международной сфере – стержневой проблемой выступает соотношение глобализации и суверенитета национальных государств.

При рассмотрении данного (последнего) аспекта поднятой проблемы в литературе нет однозначных оценок. Как замечает В.Д. Зорькин, можно говорить (с некоторой долей условности) о трех основных подходах к рассмотрению модели соотношения «глобализация – суверенитет государства»:

1) гиперглобалистский подход, согласно которому народы и государства попадают в зависимость от порядков, царящих на мировом уровне; в частности, экономическая глобализация влечет за собой денационализацию экономики: традиционные национальные государства фактически утрачивают позиции субъектов мировой политики; глобализация порождает новые формы социальной организации, которые вытесняют и постепенно вытеснят национальные государства как первичные политические образования мирового сообщества;

2) скептический подход, представители которого считают, что глобализация не является чем-то новым, что современный уровень политической и экономической взаимозависимости не является беспрецедентным в мировой истории; наряду с интернационализацией экономики происходит ее значительная регионализация. Увеличение глобального неравенства в мире, конфликт цивилизаций напротив дает возможности и основания говорить об иллюзорной природе глобального правления, его бесперспективности;

3) компромиссный подход, суть которого состоит в том, что глобализация не устраняет суверенные государства с экономической и политической арены, но при этом основательно перетряхивает национальную экономику, политическое устройство, перенацеливает власть, функции и полномочия властных национальных структур.

Тем не менее, говоря о факторе и тенденциях глобализации, нельзя не отметить, что в современных условиях, по мнению многих политиков, теоретиков и ученых, перед каждым государством мира, в

том числе и перед Российской Федерацией, стоит задача обеспечения незыблемости государственного суверенитета и национальных интересов, выступающих главным мерилом и условием сохранения этно-культурной аутоидентичности соответствующих стран. Россия, российский федерализм, безусловно, не стоит и не может стоять особняком от этих последствий глобализации [5, с. 40].

Таким образом, можно утверждать, что те проблемы, вызовы, приоритеты, которые объективно складываются в отдельных сферах общественного развития, во многом предопределяют общую тональность развития федеративных отношений, влияют на совершенствование системной модели российского федерализма.

Заметим также, что обеспечение системности российского федерализма в деятельности государства должно решаться через призму соблюдения национальных интересов России не только в процессе межгосударственного взаимодействия, но и посредством их реализации в практике внутригосударственного регулирования всех сфер жизни российского общества.

В связи с вышеизложенным, важное значение в развитии российского федерализма и совершенствовании федеративных отношений приобретает еще одна проблема (**третья**) – проблема субсидиарности во внутригосударственной практике российского федерализма.

Под субсидиарностью в теории и практике российского федерализма понимается оптимальное разграничение предметов ведения, полномочий, ресурсов и (что особенно важно) ответственности между федерацией, ее органами государственной власти и субъектами федерации, их органами государственной власти в осуществлении целей и задач публичной власти [6, с. 47–48].

Важно отметить, принцип субсидиарности предполагает, что публичная власть реализуется преимущественно на том уровне, в том звене, который непосредственно приближен к объектам деятельности (к примеру, это уровень субъектов РФ), при этом вышестоящий уровень власти (в данном случае федерация по отношению к субъектам федерации), сохраняет за собой только те полномочия, которые будут способствовать более эффективному решению соответствующих задач, утверждению государственного суверенитета и безопасности страны.

При такой модели распределения публичной власти (полномочий) объективно формируются предпосылки для утверждения структурно-функциональной целостности российского федерализма, согласно которой федерация выступает неким гарантом в успешной деятельности субъектов, содействует повышению роли субъектов в реализации их полномочий. Одновременно происходит «разгрузка» федерации, в какой-то мере децентрализация властных полномочий, достигается единообразное и демократическое решение многих вопросов как на федеральном, так и региональном уровнях.

Таким образом, субсидиарность в вопросах федерализма – это «двухстороннее движение». С одной стороны, федерация в этих отношениях всегда готова оказать содействие своим субъектам, облегчая, в какой-то степени, их жизнь; с другой стороны, субъекты должны быть готовы поддержать федерацию, прежде всего, в таких направлениях как обороноспособность и национальная безопасность; внешнеэкономическая деятельность и оборонное производство; защита государственных границ и развитие транспортного комплекса; реализация программ в области государственного, экономического, социального, экологического, культурного и национального развития Российской Федерации.

Иными словами, принцип субсидиарности, во-первых, способствует повышению ответственности субъектов федерации в реализации, отнесенных к ним предметов ведения и полномочий; во-вторых, очищению федерации (центральной власти) от менее значимых, порой второстепенных дел, от излишних функций и полномочий.

Можно предположить, что именно в рамках решения данной проблемы видятся реальные перспективы развития федеративных отношений в России. Для совершенствования российского федерализма есть все необходимые условия и основания. Российская модель разграничения предметов ведения и полномочий (ст. 71–73 Конституции РФ) является достаточной гибкой и даже универсальной, поскольку она одновременно предполагает способность и готовность двигаться как к централизации власти, так и ее децентрализации, притом, что основы конституционного строя Российской Федерации останутся незыблемыми [5, с. 43].

Вместе с тем, в литературе подчеркивается, что потенциал принципа субсидиарности не нашел должного воплощения. В годы реформирования системы государственного управления (2002–2017 гг.)

произошла некая деформация в системе разграничения предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, что выразилось с началом 2000-х годов в отмене на двенадцать лет института прямых выборов глав субъектов, возвышению властной деятельности полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах; в ограничении сфер законодательной деятельности субъектов РФ; в отдельных случаях в чрезмерной детализации размежевания полномочий, что объективно вело к усложнению исполнительно-распорядительной деятельности органов исполнительной власти, что в ряде случаев и по отношению к отдельным субъектам выразилось в ориентации регионов не на саморазвитие и здоровую конкуренцию между ними, а на дотационные решения и действия, сомнительные сделки региональной власти с бизнес-структурами. Эта ситуация объективно подвела к увеличению разрыва социально-экономического развития ряда регионов, обострению экономического положения, росту социального напряжения.

В связи с вышеизложенным особую актуальность и остроту приобретает еще одна (в нашем случае – **четвертая**) проблема – проблема государственной региональной политики. Подлинный федерализм, федерализм без популизма не мыслим без четких критериев, ясного содержания, реальных перспектив развития региональной политики. Жизненность таковой на сегодняшний день выступает одновременно условием и гарантией обеспечения возможности субъектов федерации реализовывать себя в сфере «общество–государство–конкретная личность». Требуется не только фактическое принятие статусных основ региональной политики, но и систематическое их обновление, что позволяло бы субъектам РФ быть весьма приметными участниками, даже лидерами в общих процессах государственно-правового, социально-экономического, нравственно-духовного развития общества.

На наш взгляд, основы региональной политики должны характеризовать такие области (направления) деятельности как:

а) бюджетная сфера – предоставление субъектам РФ более значительных финансовых прав. Финансовое положение большинства регионов тяжелое, и это надо открыто признать. У большинства субъектов задолженность примерно равна их доходам, что, естественно, объективно не дает возможности субъектам планомерно ставить и решать вопросы их развития. Более того, в четырнадцати регионах финансовая ситуация еще сложнее – задолженность превышает их доходы. Фактически эти субъекты находятся в состоянии банкротства [7, с. 1–2].

Отметим также, что на протяжении последних 15 лет финансовое положение большинства регионов лишь ухудшается. Растет государственный долг, увеличивается дефицит региональных бюджетов, усиливается их зависимость от дотаций из федерального бюджета;

б) сфера качества жизни. Тревожное положение в бюджетной сфере, некачественное состояние межбюджетных отношений непосредственно влияет на стандарты жизни людей. Качество жизни человека в ряде субъектов федерации (а таковых немало) сегодня гораздо ниже определенных социальных стандартов. Граждане не редко не имеют гарантированного доступа к пакету социальных благ. Разрыв в качестве жизни между российскими регионами сегодня просто огромный, исчисляется в разы, в порядки. Фактически нужно говорить о социальном неравенстве в обществе, между регионами, соответственно, населением в регионах. Все это, естественно, вызывает негативные эмоции, порождает недовольство граждан;

в) стимулирующая сфера федеральных (межрегиональных) отношений. В уточнении природы межбюджетных отношений (перераспределение бюджетов, как вариант из богатых, состоятельных регионов в пользу более бедных) очень важны мотивирующие, стимулирующие начала. Они должны стать исходным компонентом в государственной региональной политике. Если их не будет, то не будет и заинтересованности субъектов в результате своей деятельности.

В связи с этим, на наш взгляд, уже давно назрела необходимость подготовить государственную программу повышения мотивации регионов в результатах своей работы. Разработку такой программы вполне мог бы взять на себя Совет Федерации Федерального Собрания РФ, вместе с законодательными (представительными) органами самих субъектов, при участии и согласовании с федеральными органами исполнительной власти и исполнительной властью субъектов. В этой программе должны быть соответствующие комментарии и разъяснения для субъектов, прописаны отдельные полномочия, руководства для их реализации, сроки исполнения и др.

Безусловно, такой подход к решению рассматриваемого вопроса повысил бы ответственность субъектов РФ, федеральных округов и федерального центра. В рамках данного направления уместно обозначить еще один аспект стимулирования развития межрегиональных отношений – ревизия и оптимизация рейтинговой системы оценки регионов, определение наиболее устойчивых критериев (показателей) в характеристике региональной политики; создание условий для мотивации повышения рейтинга субъектов; улучшения их экологической и инвестиционной политики, обеспечения граждан социальными услугами; обнародования этих показателей в сопоставлении как с предыдущими годами, так и со средними российскими данными. Такой подход позволил бы более полно и точно оценивать эффективность развития субъектов и, соответственно, их руководителей;

г) определение и совершенствование организационных основ региональной политики. Необходима комплексная система экономических, социальных, управленческих и иных мер в определении условий развития каждого региона. В зависимости от уровня экономического и социального развития субъектов РФ, их инвестиционной привлекательности, наличия конкурентоспособной среды и преимуществ организационно поделить субъекты РФ на определенные группы и в соответствии с их реальным положением выстраивать с ними взаимоотношения, в т.ч. по оказанию дотационной помощи. При этом фактор ответственности руководителей субъектов РФ, их администрации остается, более того, он станет более востребованным и эффективным;

д) тарифная политика в регионах. По мнению многих политиков, ученых, данное направление является одним из самых тревожных звеньев в региональной деятельности. К примеру, в ряде регионов Дальневосточного, Сибирского и ряда иных федеральных округов тарифы по электроэнергии на 20–50 % выше средних показателей по России. Безусловно, это снижает конкурентоспособность субъектов, отталкивает инвесторов от таких регионов, снижает их привлекательность. В этих условиях необходимо разработать единую систему экономически обоснованных тарифов с учетом восстановления, реконструкции и развития всего топливно-энергетического хозяйства;

е) региональная жилищная политика. В этом вопросе множество слабых звеньев в современной региональной политике – снижение ипотечной ставки (как минимум, делать ее доступной для населения региона), обеспеченность многодетных семей жильем за счет государства; принятие специальных программ по обеспечению жильем молодежи, учителей, врачей, семей с детьми и т.д., доходы которых не позволяют им приобрести квартиры.

Таким образом, на сегодняшний день сложились очевидные потребности в разумной и результативной региональной политике как одного из непосредственных направлений совершенствования и развития федеративных отношений современной России.

В заключение отметим, что в данной статье автором предприняты попытки актуализировать основные проблемы и тенденции развития федеративных отношений в России, рассмотреть их с позиции системного изложения и качественной характеристики модели российского федерализма.

Список литературы

1. Моисеев В.В., Дорохов Н.И. История государства и права России: учебник. – М.: МИЭМП, 2008. – 485 с.
2. История государства Российского: истоки, процессы, проблемы (к 1150-летию образования) / колл. авт. И.В. Бурковский, Д.Ю. Горохов, Н.И. Дорохов, О.Г. Малышева, Л.Г. Орчакова, С.А. Правкин, Е.А. Токарева, В.С. Юрчук и др.; под общ. ред. Н.И. Дорохова. – М.: изд. МУ им. С.Ю. Витте, 2014. – 449 с.
3. Чиркин В.Е. Являются ли республики в составе Российской Федерации государствами, имеют ли субъекты федерации собственную государственную власть (полемика заметки по поводу диссертационных исследований) // Государство и право. – 2017. – № 9. – С. 45–48.
4. Черепанов В.А. О построении системной модели российского государства // Государство и право. – 2017. – №3. – С. 15–25.
5. Добрынин Н.М. Насущные задачи развития российской модели федерализма: онтологический дискурс о системных свойствах федерации // Государство и право. – 2017. – № 9. – С. 34–44.
6. Умнова И.А. Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 2. – С. 47–48.

7. Федерализм без популизма // Российская газета. – 2016. – 26 сентября. – № 216 (7084).

STATUS AND PROBLEMS OF FEDERAL RELATIONS DEVELOPMENT IN RUSSIA

Dorokhov N.I.,

*Candidate of Historical sciences, Full professor,
Professor at the Department of theory and history of state and law
of Moscow Witte University*

The article examines the constitutional and legal foundations of the state system of Russia, analyzes their state, identifies the problems and trends in the development of federal relations.

Keywords: State structure, federalism, federal system, subjects of the Federation, federal relations

УДК 342.4

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Куксин Иван Николаевич,

*д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры теории и истории государства и права*

Юридического института Московского городского педагогического университета

e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru,

В работе рассматривается политика российского государства в социальной сфере. Создание государством условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Ключевые слова: социальное государство, социальная сфера, социально-ориентированная экономика, достойная жизнь граждан Российской Федерации, минимальный размер оплаты труда, прожиточный минимум, потребительская корзина, плоская шкала налога, прогрессивный налог

Данная работа выполнена с использованием справочной правовой системы «Консультант Плюс».

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-15-21

2017 год – год, когда российская научная общественность обсуждала и оценивала события, связанные с февралем и октябрём 1917 года, которые получили название в нашей историографии как «Революции 1917 года в России». Несомненно, события столетней давности коренным образом отразились не только на последующем развитии российского государства, но и на мировом сообществе. Если задаться вопросом: во имя чего совершаются революции? Ответ, казалось бы, очевиден – во имя социальной справедливости. Но вот вопросы, что понимать под социальной справедливостью и как ее достичь, остаются открытыми.

По мнению автора, содержание социальной справедливости зарождается в недрах самого государства и выступает одной из граней его сущности, которая раскрывает его природу и назначение в обществе. Социальное предназначение и функционирование государства выражается в том, чтобы быть инструментом управления делами общества, что означает ответ на вопрос: в чьих руках сосредотачивается государственная власть, чьим интересам служит государство, чью волю оно выражает. Сегодня, определяя понятие «сущность государства», надо признать, что оно не является неким вневременным явлением, оно является понятием конкретно-историческим, так как под воздействием различных факторов, прежде всего, экономических, сущностные его характеристики изменяются. Этот небольшой экскурс необходим, чтобы попытаться объяснить, почему именно государству принадлежит пальма первенства нести в общество ту справедливость, ради которой совершаются революции и реформы. Такое государство получило название *социальное государство*.

Впервые концепция социального государства оформилась в трудах немецких ученых XIX века, особенно следует выделить Лоренца фон Штейна (1815–1890). Именно он заложил основы теории социальной монархии, которая впоследствии трансформировалась в теорию социального государства¹. Автор поставил перед собой цель – найти возможности устранить классовые противоречия, неизбежно возникающие в буржуазном обществе, средствами самого государства. Тем самым он пытался решить назревший «социальный вопрос», обострение которого могло привести к разрушительным последствиям. Лоренц фон Штейн предложил следующее решение: с помощью государственной власти неимущие классы (прежде всего рабочий класс) должны «изменить свое зависимое положение, обусловливаемое природой труда, в положение независимое, материально-свободное» [1, с. 281]. Лоренц фон Штейн понимает социальное государство как государство всеобщего благосостояния, государство всеобщего благоденствия. Другими словами, государство должно перераспределять материальные блага в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий (конфликтов) и помощи нуждающимся.

¹ Штейн, Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. // Русский перевод. – СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872.

Если обобщить в первом приближении все подходы юристов к определению содержания социального государства, то «...в истинном социальном государстве (государстве всеобщего благосостояния, всеобщего благоденствия) каждому гражданину не только гарантируется на бумаге, но что самое главное, обеспечивается на деле достойный уровень жизни, широкий набор социальных благ: занятость, достойная заработная плата, достойная пенсия по старости, жильё, медицинская помощь, образование, развитие самого человека, его духовное обогащение, культурное совершенствование и т.д.» [2, с. 63].

Основными критериями, характеризующими социальное государство, являются следующие основные показатели: минимальный размер оплаты труда, прожиточный минимум, социально-ориентированная экономика, уровень реализации социальной справедливости. Все перечисленные ориентиры мы находим в ст. 7 Конституции РФ, в которой записано: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

Опыт тех стран, например, стран Западной Европы, где социальная политика находит реальное воплощение в деятельности органов государства, является стабилизатором позитивного развития общества, что сказывается на уровне достойной жизни граждан, высокого и качественного образования, здравоохранения и в целом на развитии человеческой личности.

По мнению автора, одной из причин «великого переселения» в Европу из стран Ближнего Востока и Африки было желание легализоваться на территории тех стран, где успешно решены социальные проблемы. Большинство беженцев стремились попасть в Германию, которая, как известно, была и остается движущей силой евроинтеграции. Высокий уровень жизни в этой стране и достойные социальные пособия оказались настолько привлекательными, что беженцы долгое время не желали никого слушать и штурмовали поезда и любой другой транспорт, который доставит их в это государство. Таким образом, успешное решение ряд европейских государств социальных прав своих граждан, привело в движение сотни тысяч человек в разных странах, заставив их бежать в одном направлении.

Вот уже более четверти века, после развала Советского Союза, Россия живет в новых экономических и политических условиях. Указанный период дает возможность сделать некий анализ социальной политики, исходя из тех постулатов, которые закреплены в ст. 7 Конституции РФ.

Гарантированный минимальный размер оплаты труда. Он, как известно, применяется для регулирования оплаты труда и определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, а также для иных целей обязательного социального страхования. Согласно ст. 1 Федерального закона от 19.12.2016 г. №460-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» сумма размера оплаты труда с 1 июля 2017 года составляет 7800 рублей в месяц [3].

По поводу данной суммы Интернет пестрит социальными экспериментами, которые проводили на себе и рядовые граждане, и отдельные главы администраций сельских поселений². А если учесть, что наблюдается рост цен на коммунальные услуги, продукты питания и лекарства, а потребительская корзина предусматривает минимальный набор продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг для жизнедеятельности человека, который в РФ определяется только один раз в пять лет, и это, не принимая во внимание ежегодную инфляцию, то вывод однозначный – данная сумма не может гарантировать нормальному человеку полноценной жизни.

Если же сравнивать минимальные месячные зарплаты в бывших странах социалистического лагеря, то, несмотря на разброс в доходах между ними, все же он значительно выше, чем в России. Свидетельством этого являются следующие цифровые показатели на 1 января 2017 (в евро) [4].

²¹ См., например, проживи на МРОТ и не умри: эксперимент жителя Архангельска. Можно ли прожить на МРОТ? URL: <http://subsidi.net/ещё-выплаты/новости-о-разном/item/1267-проживи-на-мрот-и-не-умри.html>. Чиновник прожил месяц на 7800 рублей, а вам слабо? URL: <https://www.marpravda.ru/news/potrebitelskiy-rynok/chinovnik-prozhil-mesyats-na-7800-rublej-a-vam-slabo/> (дата обращения: 24.11.2017).

Эстония	Польша	Словакия	Хорватия	Венгрия	Чехия	Латвия	Литва	Румыния	Болгария
470	453	435	433	412	407	380	380	275	235

В России, исходя из 7800 руб., при нынешней европейской валюте (69,6 на 25.11.2017), этот показатель составляет примерно 112 евро. Приведенные данные показывают, что минимальная зарплата в России в два раза ниже, чем в Болгарии. Если сравнивать с Эстонией, то она ниже в четыре раза.

Если провести сравнение минимальных месячных зарплат со странами Западной Европы, то по данным Eurostat (статистическое ведомство ЕС) на 1 января 2017 года (в евро) она составляет в Люксембурге – 1999, Ирландии – 1563, Нидерландах – 1552. Замыкает этот список Португалия – 650.

Сравнивая размеры минимальной заработной платы, надо иметь в виду, что стоимость квалифицированного труда в странах как Западной, так и Восточной Европы гораздо выше, чем в России. Однако она все же позволяет судить об общем уровне благосостояния, поскольку обозначает низшую планку оплаты труда наемных работников.

Прожиточный минимум. Этот критерий социальной политики государства раскрывает наименьший уровень дохода, который необходим для поддержания жизнедеятельности человека на определенном уровне и в определенном месте. Прожиточный минимум – это некий стандарт жизни граждан того государства, которое достигло своего экономического развития и финансовой стабильности. Необходимо иметь в виду, что это социально-экономическая категория, и она не может быть постоянной величиной. Поэтому те граждане, которые имеют доходы ниже прожиточного минимума, государство обязано оказывать социальную поддержку, так как они входят в категорию неимущих. По данным Росстата, за чертой бедности в России находятся 22,7 миллиона россиян (за 2016 год) – то есть примерно каждый шестой гражданин, или 15,7% от общего населения страны [5].

Правительство РФ ежеквартально устанавливает величину прожиточного минимума на душу населения. Так, например, согласно п. 1 Постановления Правительства РФ от 19 сентября 2017 года № 1119 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за II квартал 2017 г.» установлена величина прожиточного минимума по Российской Федерации за II квартал 2017 г. на душу населения 10329 руб., для трудоспособного населения – 11163 руб., пенсионеров – 8506 руб., детей – 10160 руб. [6].

Начиная с 2015 года, наблюдается устойчивая тенденция роста величины прожиточного минимума, о чем свидетельствует приводимая таблица.

Квартал год	На душу населения	Для трудоспособного населения	Для пенсионеров	Для детей
2 квартал 2017	10329	11163	8506	10160
1 квартал 2017	9909	10701	8178	9756
4 квартал 2016	9691	10466	8000	9434
3 квартал 2016	9889	10678	8136	9668
2 квартал 2016	9956	10722	8163	9861
1 квартал 2016	9776	10524	8025	9677
4 квартал 2015	9452	10187	7781	9197
3 квартал 2015	9673	10436	7951	9396
2 квартал 2015	10017	10792	8210	9806
1 квартал 2015	9662	10404	7916	9489

Потребительская корзина – это примерный расчётный набор, ассортимент товаров, характеризующий типичный уровень и структуру месячного (годового) потребления человека или семьи. Устанавливается она в России на основании Федерального закона от 03.12.2012 г. № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» [7]. Согласно ст. 1 названного закона потребительская корзина для основных социально-демографических групп населения (трудоспособное население, пенсионеры, дети) в целом по Российской Федерации устанавливается *не реже одного раза в пять лет*. Рассчи-

тывается она для определения прожиточного минимума и если доходы граждан ниже ее установленных размеров, они попадают в категорию бедных и имеют право на помощь со стороны государства.

В соответствии с п. 4 ФЗ № 227 в субъектах Российской Федерации потребительская корзина устанавливается законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации с учетом природно-климатических условий, национальных традиций и местных особенностей потребления продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг основными социально-демографическими группами населения.

Надо отметить, что при всем критическом отношении к цифровым показателям потребительской корзины, по сравнению с предыдущей «версией», имеется тенденция повышения минимальных норм потребления мяса и мясопродуктов, рыбы, молока и молочных продуктов, яиц, овощей, фруктов и соевых бобов. Нормы потребления хлеба, картофеля, растительного масла и других жиров. Норма потребления свежих фруктов увеличена более чем в два раза.

Критического замечания заслуживает тот фактор, что в законе не указаны расходы граждан на покупку лекарств, лечение в санатории, выезд гражданина в отпуск за границу, посещение театров, музеев, покупку книг и т.д., то есть на духовное обогащение и культурное развитие человека, будь он трудоспособный, пенсионер или ребенок. Что касается объема промышленных товаров и услуг, то Федеральный закон № 227 устанавливает в процентном отношении от стоимости продуктов питания (50%).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что прожиточный минимум в Российской Федерации увеличился на 2529 руб. Естественно, указанная цифра далека от того минимума, что требуется для полноценной жизни современного человека. Однако, если сравнивать сколько тратит среднестатистический житель России на оплату жилья и питания по сравнению с жителем Европы, то показатели снова не в нашу пользу. «Если у жителя Европы на оплату жилья уходит 10–12 % семейного бюджета, на питание – 15–20 %, то у нас уходит соответственно от 40 до 50 % и 50–60 % семейного бюджета» [8]. Однако структура потребления находится в прямой зависимости от размера доходов. Россия отстает от развитых стран в большей степени по структуре потребления бедными семьями. «Разрыв между размером доходов самых бедных и самых богатых в нашей стране превышает 15 раз. В такой ситуации десятая часть населения – самая беднейшая – тратит половину своих доходов на еду, в США этот показатель не превышает 30 %, а в Великобритании – 25 %» [8].

Социально-ориентированная экономика. Принятый Государственной Думой федеральный закон № 274618-7 «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» [9], по-разному оценивается в российском обществе, но в целом при всем разбросе мнений он должен помочь отечественной экономике перейти от стабилизации к перспективе роста за счет бюджетного правила, которое призвано снизить зависимость российской экономики от цен на нефть. Новое бюджетное правило, которое будет применяться с 2018 года, подразумевает, что все нефтегазовые доходы, полученные от продажи энергоносителей при цене нефти выше установленной планки (\$ 40 за баррель), пойдут не на покрытие расходов, а в резерв. Как заявлял Министр финансов РФ Антон Силуанов, основными направлениями расходов федерального бюджета в 2018–2020 годы продолжат оставаться социальная сфера, оборона и поддержка национальной экономики. Основным объемом расходов приходится на социальную сферу – это 36,4 %, на оборону – 29 %, на национальную экономику – 14,7 %.

Бюджет предусматривает увеличение социальных обязательств: минимальный размер оплаты труда в 2018 году будет повышен до 85 % прожиточного минимума (с января 2019-го – до 100 %). Так, запланировано повышение минимального размера оплаты труда с 7800 руб. в месяц в 2017 году до 9489 руб. в месяц с 1 января 2018 года (рост на 21,7 %). Бюджет устанавливает величину прожиточного минимума пенсионера в целом по Российской Федерации для определения размера федеральной социальной доплаты к пенсии в соответствии со статьей 4 Федерального закона от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» на 2018 год в размере 8703,0 руб.

Что касается прогноза роста уровня зарплат в бюджетной сфере, то он составит 4,1 %, что будет означать дальнейшее выполнение «майских 2012 года указов» Президента РФ. При этом в 2019–2020 гг. ожидается замедление роста зарплат до 1,3–1,5 %.

Дополнительные расходы на повышение оплаты труда научных сотрудников в 2018–2020 гг. составят 35,9 млрд руб. «Майские указы» предполагают доведение средней зарплаты научных сотрудни-

ков до 200 % от средней по региону к 2018 году. В 2018 году на эти цели будет выделено дополнительно 16,4 млрд руб., в 2019 году – 17 млрд руб. по сравнению с параметрами бюджета 2017–2019 гг. В 2020 году на оплату труда ученых планируется направить еще на 2,4 млрд руб. больше, чем в 2019 году. А в целом бюджетом РФ на 2018–2020 гг. предусматривает выделение 2,2 трлн руб. на исполнение «майских указов» Президента РФ.

Всего на реализацию госпрограммы «Развитие науки и технологий» на 2018–2020 годы в 2018 году будет направлено 181,7 млрд руб., в 2019 году – 182,1 млрд руб., в 2020 году – 184,9 млрд руб.

Несмотря на всю привлекательность приведенных цифр, выделяемых государством на обеспечение социальной сферы, науки и образования, ожидать прорыва в ликвидации бедности не приходится. Премьер-министр Медведев Д.А. 30 ноября 2017 года, давая интервью пяти федеральным каналам, заявил, что «бедность – это, конечно, одна из самых кричащих проблем нашей современной экономики, и естественно, что сама бедность является оборотной стороной недоразвитости в экономике». По словам главы правительства, малоимущих сейчас все же существенно меньше, чем 10–15 лет назад. Тогда ниже положенного уровня жизни существовали около 30 млн человек. Но нынешний показатель все равно очень большой, признал премьер. По утверждению Игоря Полетаева, задавшего вопрос о борьбе с бедностью, сегодня за ее чертой находится 20 млн россиян.

Казалось бы, один из рецептов устранения или смягчения проблемы бедности, использующийся во многих цивилизованных странах, – введение прогрессивного подоходного налога (НДФЛ), который увеличивается в зависимости от степени доходов человека. Миллионеры и миллиардеры платят дифференцированный налог до 40–60 %, который социально по справедливости распределяется правительством между всеми членами общества: для борьбы с нищетой, бедностью, для поддержания среднего класса в обществе, инвалидов, малоимущих граждан, пенсионеров и так далее.

И здесь возникает неразрешимый вопрос: почему исполнительная и законодательная власть так упорно не хочет вводить прогрессивную шкалу налогообложения? Надо вспомнить, что Президент России в своем послании Федеральному Собранию еще 12 декабря 2012 года, говоря о налогах (подоходном налоге) сказал: «...нельзя пока отказываться от так называемой плоской ставки. «Прогрессивка», как бы она внешне ни смотрелась социально справедливой, но справедливости не обеспечит. Наоборот, это будет бременем для миллионов людей со средними доходами. Поэтому действовать в этой сфере нужно крайне аккуратно» [10].

Спустя пять лет, эту же идею отстаивает и глава кабинета министров России, утверждая, что переход на «прогрессивку» может вернуть серые платежи. При этом премьер-министр допускает, что есть и люди, которые «способны платить несколько больший налог. Все это нужно взвесить и принять окончательное решение» [11]. Приведенные положения говорят сами за себя: туманные намёки на то, что в «данной сфере возможны изменения», но изменения так и не наступают. И бедные, и богатые платят в России одинаково – 13 % от своих доходов. Плоская шкала налога на доходы физических лиц, по мнению главы правительства, оказалась очень удачным решением, способствовавшим выводу доходов граждан из тени. Правда, в будущем она может быть изменена, допустил премьер-министр. «По поводу НДФЛ, никаких решений в настоящий момент об изменении нет. Возможно ли изменение в будущем? Знаете, вечных налогов не бывает. Могу лишь сказать только, что плоская шкала НДФЛ оказалась очень удачной, она себя оправдала, мы вытащили из тени огромное количество доходов, налоги не боятся платить не только люди с низкими доходами, но и очень богатые. Мы собираем до 3 трлн рублей НДФЛ в год, это огромная сумма. Конечно, принимая решение о том, в какую сторону идти, нужно думать, сколько мы будем собирать, если ставка изменится, и о том, кто что будет платить», – сказал Медведев Д.А. [11]. Премьер отметил, что «если сделать что-то неграмотно, явно произойдет возврат к конвертам, к серым и иным платежам, бюджет не будет получать необходимые доходы, всем будет от этого только хуже» [11]. Тут, однако, возникает вопрос: кто же заставляет правительство делать неграмотно?

Из ответа главы кабинета министров журналистам складывается впечатление, что в целом дела в экономике складываются неплохо, надо только «углубить и улучшить». А самое главное, глава правительства искренне считает, что без кардинальных мер, в том числе и введения прогрессивной шкалы налогообложения, можно победить «кричащую бедность».

В экономике простых вопросов нет. Но практика государств с развитой экономикой убеждает, что насущные проблемы общества, в том числе и бедность, решаются, и решаются неплохо. Что значит увеличить зарплату бедным работающим? Это вовсе не означает, что отдельные российские граждане будут вкладывать только в американские доллары, чего и боятся некоторые наши финансисты. Люди будут покупать отечественные товары в недорогом и среднем ценовом сегменте, что положительно скажется на оживлении собственной экономики, поскольку отечественное производство поддерживается именно россиянами с низким и отчасти средним уровнем доходов.

По реформированию налоговой системы интересно посмотреть практику США. В начале декабря 2017 года Сенат США утвердил законопроект, предусматривающий крупнейшую за последние 30 лет налоговую реформу. Цель ее – повысить конкурентоспособность американских компаний на мировом рынке. Он предусматривает снижение для бизнеса налоговой ставки с 35 до 20 процентов. Кроме того, этот законопроект изменил налоговые ставки для частных лиц. В частности, сохраняется семиуровневая система налогов. Однако вместо 10, 15, 25, 28, 33 35 и 39,6 процентов вводится новая шкала – 10, 12, 22, 24, 32, 35 и 38,5 процентов. Нижняя ставка устанавливается для лиц с годовым доходом менее 9525 долларов, верхняя – для тех, кто зарабатывает свыше 500 тысяч долларов [12].

Ради объективности следует отметить, что для реализации ст. 7 Конституции РФ наше общество постепенно закладывает фундамент построения социального государства. Основными трендами (направление преимущественного движения показателей) являются: адресная социальная помощь (пенсионеры, люди с ограничениями по здоровью, многодетные семьи); индексация пенсий по инфляции; субсидирование ипотеки; продолжение реализации программы помощи материнского капитала до 2021 года; пособие семьям за первенца в размере одного прожиточного минимума с гарантированной выплатой до возраста полутора лет. Социальное государство предполагает обеспечение граждан своей страны группой социальных прав, которые бы гарантировали не существование человека, а достойные условия его жизни.

Список литературы

1. *Штейн, Л. фон.* История социального движения Франции с 1789 г. – СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872. – 305 с.
2. *Донцова Т.К., Донцов Е.М.* Еще раз о социальном государстве России глазами юристов – лозунг или реальность // Проблемы в российском законодательстве. – 2013. – № 4. – С. 63–67;
3. О минимальном размере оплаты труда [Электронный ресурс]: федер. закон Российской Федерации от 19 декабря 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Минимальные зарплаты в Евросоюзе: от двух сотен до двух тысяч евро. URL: <http://www.dw.com/ru/минимальные-зарплаты-в-евросоюзе-от-двух-сотен> (дата обращения: 25.11.2017).
5. Выжить на МРОТ – миссия невыполнима? URL: <http://reconomica.ru/экономика/статистика/как-выжить-на-мрот/> (дата обращения: 24.11.2017).
6. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за II квартал 2017 г. [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 19 сентября 2017 года № 1119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О потребительской корзине в целом по Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон Российской Федерации от 3 декабря 2012 г. № 227-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Расходы на питание в разных странах. URL: <https://www.economylife.com/rashody-na-pitanie-v-raznyh-stranah/> (дата обращения: 25.11.2017).
9. О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов: федер. закон Российской Федерации от 5 декабря 2017 г. № 362-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 ноября 2017 г., одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 ноября 2017 г. // Рос. газ. – 2017. – 8 декабря.
10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Индекс стабильности // Российская газета. – 2017. – 1 декабря. – С. 3.
12. Ставки снижены // Российская газета. – 2017. – 4 декабря. – С. 6.

THE FORMATION OF THE WELFARE STATE IN MODERN RUSSIA

Kuksin I.N.,

*Dr. legal. Sciences, Professor, honoured lawyer of Russian Federation,
Professor, Department of theory and history
of State and Law Institute, Moscow city Pedagogical University,
e-mail: proffKuk-1944@yandex.ru,*

The paper considers the policy of the Russian State in the social sphere. The establishment of the State of conditions for a dignified life and free development of man.

Keywords: social State, social, social-oriented economy, decent life for citizens of the Russian Federation, the minimum wage, the subsistence minimum consumer basket, flat tax scale progressive tax

УДК 116.12

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И ПУТИ ЕГО РАЗВИТИЯ В РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Зейналова Лариса Михайловна,

канд. ист. наук, доцент,

доцент кафедры теории и истории государства и права,

e-mail: larisaz.69@mail.ru,

ЧОУВО Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва,

www.muiiv.ru

В статье рассматриваются проблемы местного самоуправления и пути его развития на современном этапе. Для развития и формирования регионального самостоятельного управления было выполнено многочисленное количество мероприятий, однако отдельные трудности до сих пор целиком так и не были разрешены.

Ключевые слова: проблемы, местное самоуправление, развитие, государство, Российская Федерация

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-22-25

В 2017 году исполнилось 14 лет со дня принятия Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и начала масштабной реформы местного самостоятельного управления [1].

С 1 июня 2016 г. Российская федерация насчитывает 22820 муниципальных образования.

Согласно изучениям Минюста РФ и данным Росстата, количество городских образований формируется следующим образом:

- 1628 муниципальных населенных пункта;
- 18563 сельских поселений;
- 1814 городских областей (123 с межселенными землями);
- 1 городской округ с внутригородским разделением (город Челябинск);
- 7 внутригородских областей в городском округе Челябинска;
- 540 городских округов;
- 267 внутригородских муниципальных образований в населенных пунктах федерального значения – в Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе.

В связи с образованием в 2014 г. новейших субъектов федерации: Республики Крым и города федерального значения Севастополя, единое количество российских муниципий возросло по сравнению с предыдущим годом. Следует отметить, что после принятия Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» стал активно набирать ход укрупнительный процесс.

Этот процесс проходил в основном 2-мя способами: с помощью укрупнения сельских поселений или присоединения их к городским округам.

В этом более всего преуспели в Республике Марий Эл и Мордовии, в Архангельской, Воронежской, Кировской, Новгородской, Рязанской и Тульской областях. В результате эта политика привела к недовольству местного населения.

Всего в 2016 г. было укрупнено 156 муниципальных образований, что отодвинуло население от проходной и транспортной доступности, а также привело к перераспределению полномочий в сферах территориального планирования, архитектуры и градостроительства, в том числе установления документов территориального планирования, правил землепользования и застройки; коммунального хозяйства, в том числе водоснабжения жителей и водоотведения, энергоснабжения, вывоза и утилизации бытового мусора; здравоохранения; образования; природопользования; культуры.

В первой половине 2016 г. в 25 % было сокращено количество поселений, заключающих соглашения с администрациями муниципальных районов о передаче возможностей согласно решению вопросов местного значения.

Все годы городской реформы существует практика наделения органов местного самостоятельного управления определенными функциями организаций государственной власти. Практически 60 % городских образований осуществляют единичные государственные полномочия. Органы государственной власти делегируют местному самоуправлению опеку и попечительство; деятельность административных комиссий по делам несовершеннолетних и охране их прав; профилактику безнадзорности несовершеннолетних; отлов и сущность безнадзорных домашних животных; выравнивание государственными областями бюджетной обеспеченности поселений.

В этом количестве переходят государственные полномочия в жилищно-коммунальном хозяйстве, в том числе регулирование тарифов за коммунальные услуги, в здравоохранении, социальной защите, транспортном обслуживании жителей, помощи сельскохозяйственного производства. Все это было выполнено согласно поправкам, добавлениям и изменениям, внесенным в закон о районном самоуправлении (более ста).

Принятие Федерального закона №131-ФЗ открыло новую веху в правовом регулировании местного самостоятельного управления, однако первоначальная концепция Закона была стихийно размыта и искажена, это снизило качество правового регулирования. В результате чего российское муниципальное законодательство стало в последние годы лидером по числу вносимых в него изменений.

Неясность законных норм является неплохой почвой для злоупотребления законом со стороны, равно как и органов государственной власти субъектов РФ, таким образом и органов местного самостоятельного управления.

Наиболее популярные формы подобных злоупотреблений:

- попытки необоснованного в законе наделения статусом городских округов прежних муниципальных образований – районов;
- осуществление индивидуальных установок при определении пределов городских образований, которые только официально «привязаны» к пешеходной и транспортной доступности;
- злоупотребления при разделе собственности между муниципальными районами и поселениями со ссылками на дублирующие друг друга вопросы регионального значения у районов и поселений;
- заключение договоров о передаче полномочий администраций поселений муниципальным органам районов под нажимом района или субъекта Федерации.

Указанные злоупотребления не всегда мотивированы стремлением перераспределения властных и экономических ресурсов в ущерб интересам процесса, как правило, они вызваны недостатком у регионов и муниципалитетов разумного спектра возможностей, закрепленных в федеральном законе.

По данной причине в данный момент назрела необходимость наиболее полного учета географического, экономического, политического, организационного разнообразия деятельности населения муниципальных образований и организаций местного самостоятельного управления. Назрела необходимость стремиться преимущественно не к его законодательному ограничению, а, напротив, к формированию поля для наиболее беспрепятственного формирования местного самостоятельного управления, стимулирования инновационных управленческих практик.

В связи с этим на практике регулирующая значимость федерального закона зачастую подменяется субъективным усмотрением органов, следующих требованиям закона, и правоприменительной практикой.

Предлагаю использовать в качестве способа законного регулирования установление федеральным законодательством многочисленных моделей определения территориальных, организационных и финансово-экономических основ местного самостоятельного управления, которые выбираются на региональном и местном уровне с учетом отличительных черт и выбора территории.

При этом любая из предусмотренных в законе модификаций обязана содержать комплект процедур и гарантий, уменьшающих злоупотребления правом, т.е. полномочиями.

Очень сильным, на наш взгляд, является государственное регулирование в решении проблем регионального самостоятельного управления.

Как отмечено в статье 12 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Таким образом, они никак не могут рассматриваться как структурное подразделение государственной системы управления.

Конституция Российской Федерации, закрепляя региональное самостоятельное управление в качестве одного из элементов конституционного порядка, обеспечивает организационную изолированность регионального самостоятельного управления, его органов в системе управления обществом и страной [2].

В силу этого государственные органы никак не должны выступать в качестве вышестоящей инстанции, полностью и целиком управляющей деятельностью местных органов власти, заслушивающей отчеты и имеющей право отмены их решений.

Признавая и гарантируя местное самостоятельное управление, Конституция Российской Федерации установила, что местное самостоятельное управление в пределах своих полномочий самостоятельно. В связи с этим закрепление местного самостоятельного управления в качестве основы конституционного строя, одного из главных правил организации и осуществления управления страной, предполагает выделение особой сферы местных вопросов, в которой органы местного самостоятельного управления действуют самостоятельно и ответственно, прежде всего, перед своим населением [3].

Как указано в статье 16 Конституции Российской Федерации положения статей 3 и 12 главы 1 Конституции Российской Федерации, гарантирующие местное самостоятельное управление, не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией. Никакие другие нормы Конституции не могут противоречить ее положениям о местном самоуправлении, закрепленным в главе 1 Конституции Российской Федерации.

В данный период в Российской Федерации вмешательство и надзор со стороны государства весьма огромен, к тому же местному самоуправлению очень часто направляют решение вопросов имеющих отношение больше к государственным вопросам, а никак не вопросам местного самостоятельного управления.

Следующей проблемой развития органов самоуправления является низкий уровень собственных доходов.

Причины... Новая концепция организации местного финансирования была зафиксирована Федеральным законом №131-ФЗ, изменениями в Бюджетном и Налоговом кодексах России.

Подверглись тяжелой коррекции система налоговых источников местных бюджетов и механизмы межбюджетных отношений.

Кадровый потенциал ОМСУ также оставляет желать лучшего.

В данный период проблема профессионализма и компетентности кадрового резерва в системе муниципальной службы не прекращает оставаться весьма острой.

На сегодняшний период имеются разные организационные основы развития и использования кадрового резерва.

Отсутствие целостности в данной сфере обуславливается в первую очередь недостающим законодательным регулированием на федеральном уровне вопросов развития кадрового резерва на муниципальной службе. В Федеральном законе с 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» имеется глава «Кадровый резерв на муниципальной службе», однако включает она одну статью 33, где содержится одна-единственная норма, согласно которой в муниципальных образованиях вместе с муниципальными правовыми актами может формироваться кадровый резерв с целью замещения свободных должностей муниципальной службы [4]. И это лишь ряд проблем, существующих сегодня в органах местного самоуправления. Изучая проблему, можно предложить некоторые мероприятия по совершенствованию местного самоуправления.

Первоначально необходимо осуществление мониторинга законодательства о местном самоуправлении и разработка общего закона непосредственного воздействия, который учтет предшествующий опыт. В том числе необходимо создать стандартные, модельные формы законов, актов о местном самоуправлении для субъектов Российской Федерации с возможностью внесения исправлений согласно характерной черте региона. В данный момент, сколько субъектов, столько новейших нормативных документов с различными наименованиями и нечёткими формулировками [5].

Полномочия местного самостоятельного управления должны отвечать функциям местного самоуправления.

Органы местного самоуправления и государственного управления обязаны регулярно и тесно взаимодействовать, в связи, с чем им нужно быть рядом.

Ход формирования регионального самостоятельного управления никак не способен реализоваться в отрыве от иных течений формирования российского общества. Принимая во внимание значимость и роль местного самоуправления, а также поставленные проблемы перехода Российской Федерации к устойчивому демократическому развитию государства, необходимо разработать общегосударственную программу наиболее высокого уровня [6].

Федеральный центр обязан весьма конкретно сконструировать собственную политику, то есть найти эту золотую середину, что, с одной стороны, даст возможность в абсолютной мере осуществить возможности муниципальных образований, а с другой – сформировать требования с целью развития целой концепции публичной власти и управления в стране.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.10.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
2. Зейналова Л.М., Зейналов Р.Г. Административная ответственность как институт государственного управления. В сб.: Наука в современном информационном обществе: материалы VIII международной научно-практической конференции. Науч.-исслед. центр «Академический», 2016. – С. 200–204.
3. Зейналов Р.Г. Проблема государственной службы на современном этапе в Российской Федерации. В сб.: Актуальные проблемы правового развития России. – 2016. – С. 137–141.
4. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».
5. Пушкарева Г.В. Государственная служба в системе механизмов формирования государственной политики / Г.В. Пушкарева // Вестник МГУ. Серия 21. Управление. – 2010. – № 3.
6. Егоров В.П., Слинков А.В. История государственного аппарата и чиновничества в России: учеб. пособие. – М., 2013.

ACTUAL PROBLEMS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AND WAYS OF ITS DEVELOPMENT IN RUSSIA AT THE PRESENT STAGE

Zeynalova L. M.,

*PhD in History, associate professor,
associate professor of the department of theory and history chair of state and law,
e-mail: larisaz.69@mail.ru
Moscow Witte University,
www.muiv.ru*

The article deals with the problems of local self-government and the ways of its development at the present stage. A large number of activities have been carried out for the development and formation of a regional self-government, but some difficulties have still not been fully resolved.

Keywords: problems, local self-government, development, state, Russian Federation

УДК 347.61

ОПТИМИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ

Юрчук Василий Степанович,

канд. юрид. наук, доцент кафедры «Теории, истории, государства и права»,

e-mail: vJurchuk@muiv.ru,

ЧОУВО Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва,

тел. 8 905-505-84-86,

<http://www.muiv.ru>

В статье дана краткая история государственной политики в сфере защиты интересов несовершеннолетних. Отмечается, что, начиная с начала XX века, в стране появляются элементы системы ювенальной юстиции. После революции 1917 года появляется ряд государственных органов, занимающихся проблемами несовершеннолетних, которые монополизировали эту деятельность, исключив из неё независимые институты гражданского общества. Показаны структурные компоненты создаваемой системы государственных органов РФ в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Ключевые слова: права несовершеннолетних, структурная модернизация, государственные органы, оптимизация

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-26-31

Реальное обеспечение прав и свобод каждого индивида, в том числе и несовершеннолетних, это основная задача правового демократического государства. Сегодня в Российской Федерации признаются международные правовые стандарты прав человека, что нашло свое отражение в Конституции РФ и является базовой, основной для реализации личностью гарантированных ей прав и свобод.

Провозглашение Конституцией государства прав и свобод высшей ценностью еще не означает, что они эффективно реализуются на практике. Для этого необходим реально функционирующий механизм государства, который бы защитил права и свободы человека, в том числе и права несовершеннолетних. Одним из важных звеньев такого механизма являются судебные органы, в рамках которых создан новый институт – институт ювенальной юстиции. Вопрос сегодня стоит не в плоскости быть ли «детской» юстиции, а в том – какой ей быть.

В настоящее время реальная ситуация в области обеспечения прав человека, в том числе и прав несовершеннолетних, в России остается сложной и противоречивой. С одной стороны, многое сделано для того, чтобы внутреннее законодательство Российской Федерации соответствовало признанным нормам и принципам международного права. С другой стороны, на фоне коррупции, правового нигилизма – многие из этих норм, пока носят декларативный характер. В России, на сегодняшний день, не создан эффективный механизм привлечения должностных лиц к ответственности за нарушение прав и свобод человека.

Многие международные нормативно-правовые акты уделяют особое внимание правам ребенка, охрана которых имеет свои особенности. Среди них особое место занимает Декларация прав ребенка (1959 г.), которая полностью посвящена защите прав несовершеннолетних детей. Этот документ закрепил наиболее важные, имеющие принципиальный характер нормы.

Введение в нормотворческий оборот термина «несовершеннолетний» предполагает, что создается автономная демографическая группа людей, которые являются носителями определенных прав и обязанностей. Это в свою очередь предполагает создание специальной юридической защиты несовершеннолетних. Возрастные особенности несовершеннолетних, которые не позволяют им адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизни, должны компенсироваться повышенной эффективной правовой защитой.

Сегодня проблемы защиты прав несовершеннолетних стоят в центре внимания мирового сообщества. Большое внимание этим проблемам уделяется и в Российской Федерации, хотя здесь есть значительное количество проблем, которые требуют своего решения. Одним из путей решения этих

проблем, это совершенствование законодательной базы в этой области, а также создание действенных механизмов практической реализации принятых законов.

Россия, строящая правовое государство, должна решить ряд задач в области охраны прав несовершеннолетних. В современном обществе с его политическими, экономическими, социальными проблемами ребенок, как никто другой, нуждается в защите прав и законных интересов.

В соответствии с международной Конвенцией о правах ребенка, ратифицированной Россией в 1990 году с нормами Конституции РФ, интересы ребенка подлежат охране. В Конвенции о правах ребенка приоритетным требованием является защита его прав всеми государственными, частными, административными и судебными органами.

Свое развитие нормы международного права о защите интересов детей нашли отражение в Основном законе РФ, Семейном кодексе РФ, Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. Данный закон устанавливает основные гарантии в сфере защиты прав несовершеннолетних.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина. Эти права и свободы являются общепризнанными принципами и нормами международного права, которые признает Россия и которые закреплены в международных договорах Российской Федерации, в Семейном и Гражданском кодексах Российской Федерации и в других нормативно-правовых актах Российской Федерации.

Негативные общественные процессы, которые существуют в любом обществе, не обошли стороной и Россию. Рост преступности, потеря духовных ориентиров и другие негативные явления в значительной мере затронули несовершеннолетних, привели к нарушению их прав, свобод и законных интересов. Появилось понятие «омоложение» подростковой преступности. Большое количество преступлений совершают несовершеннолетние нарушители. Среди них: кражи, грабежи, разбойные нападения, угоны автомашин, хулиганские действия.

Сегодня, сложившаяся обстановка в стране, в сфере правонарушений среди несовершеннолетних, связана с изменениями, происходящими в российском обществе.

Проблемы оптимизации структуры государственных органов, институтов гражданского общества, занимающихся защитой прав и интересов различных категорий несовершеннолетних, многие годы и даже десятилетия являются предметом острых научных, профессионально-юридических, политических, идеологических дискуссий, которые, к сожалению, не приводили к реальным позитивным структурным изменениям.

Ретроспективный анализ решения данных проблем показывает, что в XX–начале XXI вв. в нашей стране предпринимались три попытки оптимизации государственных структур, занимавшихся проблемами правового обеспечения интересов несовершеннолетних детей.

В самом начале XX века на волне интенсивного и в целом успешного капиталистического развития России, определенной демократизации экономических, социальных, властно-политических отношений, гуманизации правовой, правоприменительной системы, по примеру развитых государств в нашей стране начали складываться элементы системы ювенальной юстиции, в центре которой находились ювенальные суды. Этот опыт хорошо известен специалистам, но к нему и в советское и в постсоветское время существовало и существует ныне весьма неоднозначное отношение.

Безусловно, деятельность ювенальных судов сталкивалась с огромным числом объективных и субъективных проблем – от повсеместного дефицита финансовых средств на организацию их функционирования, нехватки помещений, дефицита подготовленных судей ювенологического профиля до весьма критического отношения к ювенализации права, законодательства, правоприменительной практики отечественных консерваторов, приверженцев семейной патриархальности. Нетрудно обнаружить аналогии ситуации начала XX века с ситуацией начала XXI века.

Вторая революционно-социалистическая попытка оптимизации структуры государственных органов, занимающихся проблемой несовершеннолетних детей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, была предпринята сразу же после революции 1917 года.

17 января 1918 года специальным Декретом создаются комиссии для несовершеннолетних. Этим же Декретом были ликвидированы досоветские суды по делам несовершеннолетних.

К ведению комиссий для несовершеннолетних относилось рассмотрение дел несовершеннолетних обоих полов до 17 лет, замеченных в общественно опасных деяниях, а также об эксплуатации детского труда, о жестоком обращении с детьми и об охране прав детей.

Декретом о суде над несовершеннолетними от 4 марта 1920 г. была узаконена процедура выделения из общих народных судов (судебных коллегий) специальных составов для рассмотрения дел несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, направляемых комиссиями по делам несовершеннолетних. В последующие годы принималось немало политических, юридических документов, призванных оптимизировать советскую модель ювенальной юстиции.

По мнению Е.А. Сунцовой, «созданная система правосудия по делам несовершеннолетних характеризовалась охранительно-карательной направленностью: с одной стороны, суды действовали в целях защиты и охраны прав и законных интересов несовершеннолетних, а с другой – презюмировалась неизбежность наказания при совершении преступления, назначение справедливых и обоснованных наказаний, пусть и в смягченной форме» [1]. Советская модель структуры соответствующих органов, занимающихся проблемами прав и интересов несовершеннолетних детей, была предельно централизованной, унифицированной, ключевую роль в этой структуре играли правящая коммунистическая партия, находящиеся под ее повседневным контролем государственные правоохранительные органы, а также профсоюзные, комсомольские, предельно политизированные, идеологизированные организации.

В этих условиях исключалась какая-то деятельность независимых институтов гражданского общества по защите прав и интересов несовершеннолетних детей, ибо их просто не было в социалистическом обществе. В постсоветский период, по сути, до первого десятилетия XXI века, в России не принимались какие-либо реальные меры по оптимизации структуры государственных правоприменительных органов, институтов гражданского общества, занимающихся защитой прав и интересов несовершеннолетних детей, за исключением плохо подготовленного эксперимента с внедрением ювенальных судов в ряде регионов, а также создания множества формальных организаций, заявляющих в своих уставных документах о деятельности по защите прав и интересов несовершеннолетних детей, которые фактически этой деятельностью не занимались.

К концу первого десятилетия XXI века и правящим политическим элитам, и лидерам объединений, организаций гражданского общества, причастным к проблемам семьи и детства, многим категориям населения стало очевидно, что без продуманной, системной модернизации структуры государственных правоохранительных органов, без создания реальных правовых и иных условий для формирования жизнеспособных, инициативных, самостоятельных институтов гражданского общества невозможно своевременно и качественно решать огромный перечень проблем, накопившихся в сфере обеспечения прав и интересов несовершеннолетних детей.

На структурную модернизацию в этой сфере неоднократно указывал Российской Федерации Комитет по правам ребенка ООН в своих рекомендациях по итогам рассмотрения периодических докладов России и положении дел с правами детей. В частности, после рассмотрения третьего периодического доклада на своем 1080-м заседании, состоявшемся 30 сентября 2005 года, Комитет по правам ребенка ООН отметил:

«Комитет рекомендует государству-участнику активизировать его усилия по укреплению согласованности и скоординированности мер, принимаемых в интересах детей и молодежи, для обеспечения адекватного взаимодействия между центральными и местными органами власти, а также сотрудничества с детьми, молодежью, родителями и неправительственными организациями. Кроме того, он рекомендует создать для этих целей соответствующий орган по координации осуществления Конвенции о правах ребенка, наделить его необходимыми полномочиями и обеспечить надлежащими людскими и финансовыми ресурсами, для того, чтобы он мог осуществлять эффективную координацию мер по выполнению на федеральном и региональном уровнях» [2].

Конкретные меры по оптимизации структуры государственных органов, институтов гражданского общества, занимающихся защитой прав и интересов несовершеннолетних детей, определены лишь в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [3]. Структурные реорганизации предполагается осуществлять комплексно, поэтапно, в рамках единой концепции дружественного к ребенку правосудия.

В модернизируемой структуре органов, организаций, участвующих в защите прав, интересов несовершеннолетних детей, выделяются три структурных компонента: 1) структура государственных органов правосудия, входящих в национальную систему судебной власти; 2) структура государственных органов, учреждений общегосударственного, регионального уровня, участвующих в реализации тех или иных административных, профилактических, воспитательных, других дополнительных функций, способствующих реализации прав и интересов детей; 3) структура институтов, объединений, организаций гражданского общества, вовлеченных на инициативной основе, на основе государственно-общественного партнерства в реализацию прав и интересов несовершеннолетних детей.

Важно при этом отметить, что структурная модернизация предполагает и обновление функционального содержания деятельности тех или иных органов, организаций, соучаствующих в реализации Концепции формирования дружественного к ребенку не только правосудия, но и дружественно-благоприятной социальной среды жизнедеятельности, развития несовершеннолетних детей, реализации их прав и интересов.

Стратегией предусматривается реформирование деятельности органов опеки и попечительства, совершенствование их деятельности, повышение ответственности специалистов этих органов, усиление профилактических мер по защите прав и интересов детей, находящихся в социально опасном положении, обеспечение раннего выявления семей, находящихся в кризисной ситуации, в целях защиты прав детей, проживающих в таких семьях, и сохранения для ребенка его семьи.

В соответствии со Стратегией предполагается разработать проект федерального закона о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав, определяющего место и роль комиссий в системе органов профилактики, а также включить в систему органов профилактики правонарушений несовершеннолетних соответствующие подразделения судов, Следственного комитета РФ, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, уполномоченных по правам ребенка и неправительственных организаций.

Стратегией предусматривается реформирование сети и деятельности учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, создание системы постинтернатного сопровождения выпускников данных учреждений для их социализации в обществе. Реформирование учреждений интернатного типа предполагает, в частности, их перепрофилирование в службы по поддержке семей и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в реабилитационные центры.

Для координации деятельности по реализации Стратегии различных государственных структур, институтов гражданского общества предполагается образовать при Президенте РФ координационный совет.

Как отмечает И.В. Предеина: «Структурные преобразования создают организационные, кадровые, иные предпосылки для становления новой общенациональной модели защиты прав и интересов российских детей. В систему этих преобразований включается организация работы по восстановлению отношений детей с их родителями, внедрение инновационных программ профессионального обучения детей, лишенных свободы и т.д.».

Если базовые универсальные нормы реализации прав и интересов российских детей определены конституционным и гражданским законодательством, соответствующими нормами международного ювенального права, то юридические процедуры, механизмы их практического осуществления содержатся в семейном, образовательном, трудовом, социальном законодательстве, во многих иных отраслях права.

В отраслевом законодательстве, регулирующем те или иные типы публичных, частных отношений физических, юридических лиц, как правило, содержатся нормы, специально посвященные ювенальной проблематике. Это многообразие правового материала целесообразно систематизировать, по тем или иным основаниям, и лишь затем приступить к его исследованию.

Базовым показателем классификации юридических отраслевых норм являются интересы несовершеннолетних детей, институционализированные в том или ином нормативном правовом документе. В качестве дополнительного показателя данной классификации целесообразно, с нашей точки зрения, использовать традиционную типологию жизненных феноменов личности, тех или иных социальных общностей, в соответствии с которой в жизненном мире выделяются экономические, социальные, куль-

турные, политические и некоторые иные сегменты или сферы. Данная типология применима и для сегментации жизненного мира несовершеннолетних детей и соответственно для классификации их прав и интересов.

Следуя подобному познавательного-методологическому подходу, из всей совокупности интересов детей, институционализированных или узаконенных в отраслях отечественного права, выделим их группы: экономические, материально-вещественные интересы несовершеннолетних детей; социально-бытовые интересы несовершеннолетних детей; коммуникативно-познавательные, образовательные, воспитательные интересы несовершеннолетних детей; интересы несовершеннолетних детей в сфере труда; интересы несовершеннолетних детей в сфере досуга и спорта; общественно-политические интересы несовершеннолетних детей.

Ретроспективное рассмотрение ювенально ориентированного массива отраслевого законодательства общенационального уровня и уровня субъектов РФ позволяет выдвинуть предположение о том, что за последние десятилетия в России в основном создана законодательная база для осуществления конкретных процедур, механизмов реализации интересов несовершеннолетних как самими детьми, так и при участии родителей, других взрослых, тех или иных государственных структур, институтов гражданского общества.

Отсутствие адекватных механизмов реализации многих нормативно-правовых документов, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних детей, — это лишь одна из многих проблем, отмеченных автором. Дефицит этих механизмов наблюдается в частности в главе 11 Права несовершеннолетних детей СК РФ, в ряде статей ТК РФ, Федерального закона «Об опеке и попечительстве» и в других нормативно-правовых документах, содержащих положения, касающиеся прав и интересов несовершеннолетних детей.

Другая проблема — недостаточная финансовая обеспеченность многих нормативно-правовых актов общенационального и регионального уровня, призванных защищать, обеспечивать права, интересы детей.

Следует выделить еще одну проблему — отсутствие приемлемой гармонизации национального законодательства с международным и общеевропейским законодательством в сфере защиты прав и интересов несовершеннолетних детей.

В Стратегии уделено особое внимание принятию комплексных, конкретных мер по разрешению этих, ряда других проблем, связанных с качеством законотворчества, с обеспечением правоприменительной деятельности в интересах детей необходимыми финансовыми, кадровыми, организационно-управленческими и иными ресурсами.

Очевидно, что по каждому из этих направлений практической деятельности необходима разработка и принятие соответствующего общенационального нормативного правового документа, вероятно уровня федерального закона.

Предполагается разработка и принятие нормативно-правового документа, вероятно федерального закона, который бы утвердил стандарты минимальных гарантий доступа семей с несовершеннолетними детьми к доходам и социальным услугам, определяющим основные показатели качества жизни и несовершеннолетних, и других членов семьи, включая минимальный гарантированный доход, гарантированное социальное жилье, семейный отдых, качество питания детей и взрослых членов семьи.

Это актуальная задача, требующая научно-аналитической, правотворческой деятельности и выделения значительных целевых бюджетных ресурсов государства. При его разработке следует учитывать опыт зарубежных стран, международное законодательство. Очевидно, что данный законопроект должен быть широко обсужден населением.

Задача нормативно-правового обеспечения поиска, поддержки различных категорий российских талантливых детей и молодежи может быть решена посредством внесения изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в некоторые другие федеральные законы, иные нормативные правовые акты, а также разработки нового федерального закона о талантливых детях и их поддержке.

Как нам представляется, предпочтительнее вариант разработки, обсуждения и принятия соответствующего нового федерального закона. Принятие закона данного профиля потребует внесения многих изменений в ряд уже принятых федеральных нормативных правовых документов.

В соответствии со Стратегией предполагается осуществить нормативное урегулирование ресурсного обеспечения воспитательной деятельности, в том числе материально-технического, финансового, информационно-методического. Стратегией предусматривается разработка и принятие федерального закона, определяющего основы государственной семейной политики. Безусловно, такой федеральный закон необходим. Но при проработке его концепции, структуры важно разобраться с содержанием понятия «семейная политика», с целями, задачами, функциями семейной политики, с субъектами реализации, в условиях, когда семейно-детская проблематика отнесена к совместному ведению России и субъектов РФ.

Обратим внимание на то, что в тексте Стратегии используются понятия «политика в области детства», «семейная политика», «семейная политика детствосбережения». Вероятно, в процессе разработки федерального закона, определяющего основы семейной политики целесообразно инициировать творческие дискуссии правоведов по поводу терминологического содержания данного закона, во многом предопределяющего и его структуру.

С нашей точки зрения, необходимо найти вариант синтетического термина, который объединял бы собственно семейную проблематику и проблематику политики в сфере защиты, реализации прав и интересов несовершеннолетних детей.

Стратегией предусмотрено формирование законодательной базы для реформирования работы органов опеки и попечительства по защите прав и интересов несовершеннолетних детей. Очевидно, что речь идет о пересмотре не только Федерального закона «Об опеке и попечительстве», Федерального закона «О государственном банке данных детей, оставшихся без попечения родителей», но и ряда других общефедеральных нормативно-правовых документов, определяющих, регламентирующих деятельность органов опеки и попечительства, их персонала.

По мнению автора, речь должна идти о специальном федеральном законе, в котором должны получить обоснование и развитие соответствующие показатели, индексы, индикаторы, фиксирующие базовые параметры реализации семейной политики, политики в сфере детства, различного рода стратегий, концепций, комплексных целевых программ, проектов, процедуры получения надежной, комплексной информации, механизмы ее использования.

Список литературы

1. Сунцова Е.А., Юрчук В.С. Ювенализация государственной политики и российского законодательства в интересах детей // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – №7. – С. 199.
2. Российская Федерация и Конвенция о правах ребенка. – М., 2008. – С. 10.
3. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг.: утверждена Указом Президента РФ от 01.06.2012 г. № 761 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 23. – Ст. 6821.

OPTIMIZATION OF THE STATE POLICY IN THE FIELD OF PROTECTION THE INTERESTS OF CHILDREN

Urchuk V.S.,

*candidate of legal sciences, associate professor of department of theory and history of the state and right,
e-mail: vJurchuk@muiv.ru,
Moscow Witte University,
Тел. 8 905 505-84-86,
<http://www.muiv.ru>*

The article presents a brief history of the state policy in the sphere of protection of interests of minors. It is noted that since the beginning of the twentieth century in the country there are elements of the juvenile justice system. After the revolution of 1917 there are several state bodies dealing with minors who monopolized this activity, excluding independent civil society institutions. Shows the structural components of the created system of state authorities of the Russian Federation in the sphere of protection of rights and interests of minors.

Keywords: the rights of minors, structural modernization, public authorities, optimization

УДК 347.45/.47

К ВОПРОСУ О ДОГОВОРНОЙ ПРИРОДЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТРАХОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Соцкова Наталья Ивановна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,

e-mail: sotskova-nataliya@mail.ru,

Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани,

<http://www.muiv.ru>

В рамках данной статьи исследуется специфика договора страхования, являющегося в условиях современных реалий ключевой правовой формой страховых отношений.

Ключевые слова: договор страхования, страховые услуги, правовая природа договора, классификация договоров страхования, договор имущественного страхования, договор личного страхования, существенные условия договора страхования, порядок заключения договора страхования

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-32-39

Договор страхования на сегодняшний день – главная правовая форма страховых отношений. Причиной этому является тот факт, что только посредством договора может быть начато осуществление страховых обязательств. В гражданском праве договор играет роль правового регулятора общественных отношений, то же самое относится и к договору страхования. Договор страхования понимают, как соглашение между субъектами страховых отношений – страховщиком и страхователем, по которому страховщик обязуется возместить убытки страхователя, которые возникли при наступлении страхового случая. События, которые будут приниматься за страховой случай, оговариваются в момент заключения договора. Так же, по договору, страхователь обязуется выплачивать страховые премии и взносы, в обмен на получение страховых услуг от страховщика. В договоре страхования допускается содержание дополнительных условий, однако, в любом случае он должен соответствовать нормам страхового права. Исходя из статьи 928 ГК РФ, не допускается: страхование противоправных интересов, страхования от убытков от участия в играх, лотереях и пари, а также расходов, к которым лицо может быть принуждено в целях освобождения заложников. В противном случае договор страхования считается недействительным.

Интересно, что Гражданский кодекс не дает определения договору страхования (по крайней мере, общего), зато в нем имеются определения договора личного и имущественного страхования. Такое положение дел было не всегда, например, в старой редакции закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации» имелось общее определение страхового договора, которое закреплялось во второй главе. Позже данная глава (называлась она: договор страхования) была исключена Федеральным законом № 157-ФЗ от 31.12.1997.

Вот определение договора страхования из прежней редакции закона: «Договор страхования является соглашением между страхователем и страховщиком, в силу которого страховщик обязуется при страховом случае произвести страховую выплату страхователю или иному лицу, в пользу которого заключен договор страхования, а страхователь обязуется уплатить страховые взносы в установленные сроки». Это определение верно и для сегодняшнего дня.

Существует специальная классификация договоров страхования:

- 1) страховой договор, где риски принимает только один страховщик;
- 2) договор, в котором несколько страховщиков несут риск – договор сострахования;
- 3) договор страхования, по которому один страховщик берет на себя и перераспределяет риск с помощью договоров перестрахования.

Следует ограничивать договор страхования и иные гражданско-правовые договоры, так как некоторые из них содержат большое число общих признаков.

От обязательств, возникающих вследствие причинения вреда, страховые обязательства отличаются по основанию возникновения. В первом случае обязательство порождается деликтом (правонарушением), а во втором – договором.

От договора возмездного оказания услуг договор страхования отличается в первую очередь тем, что страхование не входит в перечень услуг такого вида договоров, а также не соответствует понятию услуг из 779 статьи ГК РФ. Сама суть страхования состоит в обеспечении страховой защиты, а не в оказании услуг. В юридической литературе можно встретить такое понятие, как страховая услуга, но стоит понимать, что услуги по страхованию – это услуги особого рода, не подпадающие под действие договора возмездного оказания услуг [2].

От договоров возмездного поручительства страховые договоры отличаются тем, что страхование есть основное, самостоятельное обязательство, а поручительство – это дополнительное обязательство, необходимое для обеспечения основного.

От договора займа договор страхования отличается в том, что при кредите осуществляется возврат стоимости, а в страховании идет обмен качественно разными стоимостями.

Гражданский кодекс выделяет два основных вида договоров страхования: договор имущественного страхования и договор личного страхования.

Договор имущественного страхования описан в статье 929 ГК РФ, которая выглядит так: по договору имущественного страхования страховщик обязуется за обусловленную договором плату при наступлении предусмотренного в договоре события возместить страхователю или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы). По договору имущественного страхования страхуются риски гибели или порчи имущества, ответственность по обязательствам и риски убытков от предпринимательской деятельности [6].

Договор личного страхования определен посредством статьи 934 ГК, и заключается в обязательстве страховщика за обусловленную договором плату, уплачиваемую страхователем, выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором страховую сумму в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая). По данному виду договоров осуществляется страхование жизни, здоровья, страхование от несчастных случаев и т.д.

Одной из основных составляющих любого договора является его предмет. В общем виде предмет договора понимают, как основное правоотношение, которое реализуется в договоре, а еще это существенное условие договора, без него он будет недействителен.

На сегодняшний день правовая литература не дает точного определения предмета страхования, что, по мнению Петрова Н.В. (автора статьи «Предмет договора страхования и страховой интерес»), тормозит развитие теории страхования. Зачастую понятие предмета и объекта страхования отождествляются, но есть и попытки разграничения этих понятий. Сложившейся неопределенности способствует и Российское законодательство. Например, в статьях 929 и 924 ГК РФ за объект страхования принимаются и имущественные интересы и непосредственно имущество. В законе «Об организации страхового дела в Российской Федерации» дается определение объекта страхового договора (статья 4) – имущественные интересы страхователя (застрахованного лица). И далее закон говорит о предмете страхового договора: личное страхование – ситуации, связанные с жизнью, здоровьем и т.д.; имущественные интересы страхователя – страхование имущества – имущественные интересы, которые связаны с правом собственности на имущество; страхование ответственности – имущественный интерес, при обязанности страхователя возместить ущерб третьим лицам [4]. Судя по приведенным нормам, очевидно отождествление понятий предмета и объекта страхового договора.

Содержание предмета договора страхования, по мнению Демидовой Г.С., включает в себя:

- 1) в страховании рисков и имущества – определение тех рисков, в ликвидации последствий которых страховщик будет помогать страхователю, в личном страховании, это определение состояния здоровья или жизни страхователя (застрахованного лица), при котором ему будут произведены страховые выплаты;
- 2) определение размера и формы страховой защиты;
- 3) установление порядка и сроков оповещения страховщика, при наступлении страхового случая, а также порядка и сроков страховых выплат (страховых сумм и страхового возмещения) [1].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что единообразного понимания предмета договора страхования в науке нет, однако множество юристов считают предмет и объект страхового договора равнозначными понятиями.

Любой договор предусматривает наличие сторон, не будет исключением и страховой договор. За стороны в данном договоре принимаются страховщик и страхователь. Такие лица, как, например, выгодоприобретатель не являются стороной договора, так как он является только участником страховых правоотношений, возникших из страхового договора. То есть сторонами могут считаться только лица, участвующие в заключении договора страхования. Данная позиция подтверждается в п. 1 статьи 927 ГК РФ, где прямо говорится, что страховщик и страхователь – стороны страховой сделки. Страховое обязательство не порождает прав и обязанностей для других лиц, не являющихся сторонами, за исключением выгодоприобретателя и застрахованного лица. Тем не менее, выгодоприобретатель не будет выступать стороной в договоре, так как не участвовал в его заключении, как и застрахованное лицо, помимо случаев, когда оно тождественно страхователю [5].

Говоря о содержании договора, обычно подразумевают совокупность определенных понятий, без которых невозможно осуществлять какое-либо обязательство. В частности эти условия делят на: условия договора, права и обязанности, которые составляют содержание правоотношения, а также пункты, составляющие текст договора. В гражданском праве содержание договора определяется условиями, которые изложены сторонами или исходят непосредственно из закона, регулирующего заключение договора. Если рассматривать содержание договора в более узком аспекте, то его составляют взаимные права и обязанности сторон.

В договоре страхования права и обязанности сторон классифицируют так:

1) в первую группу входят те права и обязанности сторон, которые возникли перед наступлением страхового случая (уплата страховых взносов, а также иные условия, «вытекающие» из договора);

2) вторая группа состоит из прав и обязанностей, возникших в результате наступления страхового случая. Это, например, обязанность уведомить страховую компанию о наступлении такого случая, а в ответ требовать выплаты страхового возмещения.

Итак, вначале следует период заключения договора страхования, в это время страховщик и страхователь уже имеют взаимные права и обязанности. Например, страхователь обязан сообщить страховщику все те обстоятельства, которые относятся к возможности наступления страхового случая или указать на договоры страхования, заключенные по данному объекту страхования. Страховщик же знакомит своего клиента с правилами страхования, принимает от него заявление о заключении договора и принимает решение о возможности заключения страхового договора. В дополнение к этим обязанностям страховщик имеет право на оценку возможности наступления риска (оценка состояния страхового имущества или состояния здоровья страхователя).

Если страховщик принимает решение о заключении договора страхования, то он должен согласовать условия заключения договора со страхователем.

Когда страховой договор уже заключен, страхователь обязан выплачивать страховые премии и докладывать страховщику о наступлении обстоятельств, повышающих вероятность наступления страхового случая (увеличения степени риска). Страховая премия определена Гражданским кодексом, ст. 954, п. 1 и является платой за страхование, которую страхователь (выгодоприобретатель) обязан уплатить страховщику в порядке и в сроки, которые установлены договором страхования. Данное обязательство страхователя имеет очень большое значение для страховых отношений, так как договор страхования вступает в силу в момент уплаты страховой премии (первого ее взноса). Однако согласно статье 967 ГК РФ возможно установление иного момента для вступления в силу договора.

Организуя услуги по страхованию, страховщики в праве сами разработать страховые тарифы. В итоге точный размер тарифа определяется по соглашению сторон в договорах добровольного страхования. При обязательном страховании страховой тариф устанавливается в соответствии с конкретными законами [7].

Страхователь вправе вносить страховую премию единовременно или частями – страховыми взносами, но это должно быть оговорено в договоре страхования. Помимо обязательной платы за страхование на страхователя возлагается обязанность сообщать об обстоятельствах, которые имеют решающие

значение для определения возможной вероятности страхового случая и расчета размера убытков. Если такие обстоятельства ведут к повышению степени риска, то страховщик имеет право изменить условия договора или оплаты страховых услуг. При возражении страхователя относительно изменения договора, страховщик имеет право требовать расторжения договора страхования в судебном порядке, как и в случае, когда страхователь не сообщает о решающих обстоятельствах. Страховщик в свою очередь обязан хранить в тайне сведения, полученные им от страхователя.

После заключения договора страхования, страхователь обязан соблюдать общепринятые правила для уменьшения возможности возникновения рисков и убытков от них. Под такими правилами подразумевают: правила пожарной безопасности, хранения имущества и т.д.

Если страховой случай все-таки наступил, то страхователь должен сообщить о нем страховщику по тем условиям (сроки и способ уведомления), которые прописаны в договоре. После наступления страхового случая реализуется основная обязанность страховщика, заключающаяся в осуществлении страховых выплат. Данное обязательство является противоположной по отношению к обязанности страхователя об уплате страховой премии.

Итак, если подытожить все вышесказанное, то можно выделить следующие права и обязанности, составляющие содержание договора страхования.

Страховщик, как сторона страхового договора, обязан:

- 1) предоставить страхователю правила страхования;
- 2) перезаключать договор со страхователем по его заявлению (например, при проведении страхователем мер по уменьшению вероятности наступления страхового случая);
- 3) не разглашать тайну страхования;
- 4) произвести выплату страхового возмещения при наступлении страхового случая.

Страховщик имеет право:

- 1) применять страхования, которые он сам разработал;
- 2) в случае предоставления страхователем ложных сведений, относительно обстоятельств, существенных для определения степени риска, страховщик вправе требовать признание договора недействительным;
- 3) производить осмотр имущества и проводить экспертизу его стоимости;
- 4) при увеличении страхового риска, страхователь вправе требовать изменения условий договора;
- 5) если страхователь не сообщил о значительном изменении обстоятельств, влияющих на увеличение страхового риска и другие права, то страховщик может требовать расторжения договора и возмещения убытков.

Страхователь несет свои обязанности, заключающиеся в:

- 1) уплате страховых взносов своевременно и в срок, указанный в договоре;
- 2) в случае наличия обстоятельств, которые имеют существенное значение для определения возможности наступления страхового случая, сообщить о них страховщику, если такие обстоятельства изменяются в течение срока действия договора, то о них тоже необходимо сообщить. То же самое касается заключенных ранее или заключаемых договоров по данному объекту страхования;
- 3) осуществлять действия по предотвращению и уменьшению ущерба при страховом случае;
- 4) в течение сроков, указанных в договоре, сообщить о наступлении страхового случая страховщику;
- 5) исполнять указания страховщика и его рекомендации, после наступления страхового случая;
- 6) в договорах имущественного страхования страхователь обязан передать страховщику все документы и доказательства, необходимые для реализации прав, возникающих в результате суброгации – перехода права возмещения вреда от страхователя к страховщику на основе прямого указания закона [3].

Страхователь обладает следующими правами:

- 1) требовать выплаты страхового возмещения;
- 2) обеспечения страховщиком тайны страхования;
- 3) страховать риски и имущество как по одному, так и по нескольким договорам;
- 4) заменять выгодоприобретателя, при этом письменно извещая страховщика.

Дополнительные права сторон могут устанавливаться конкретным договором страхования.

В содержание любого договора входят условия, на основании которых выражается воля сторон. Так сложилось, что юристы стали делить условия на существенные и обычные, так же существует классификация на обязательные и инициативные.

Существенными условиями являются те, что необходимы для заключения договора. Только когда соглашение сторон состоялось по всем существенным пунктам, договор может считаться заключенным. Такого рода условия указаны в законе. В сложившейся международной практике существенными условиям договора страхования являются:

- 1) событие, которое будет считаться страховым случаем;
- 2) территория и срок действия заключаемого договора;
- 3) объект страхования и страховая сумма;
- 4) регламентирование порядка и сроков выплаты страховой суммы, а также размер и порядок уплаты страховых взносов (премии);
- 5) период, в который страховщик будет нести ответственность по обязательствам;
- 6) порядок урегулирования споров и внесения изменений в договор страхования;
- 7) правовые последствия неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязательств.

Законодательство России имеет отличный от приведенного выше перечень существенных условий. Гражданский кодекс предусматривает исчерпывающий перечень условий для договоров личного и имущественного страхования. Указаны они в статье 942 ГК РФ и являются обязательными для согласования между страховщиком и страхователем. Ниже приведен их перечень, согласно статье.

При заключении договора имущественного страхования между страхователем и страховщиком должно быть достигнуто соглашение:

- 1) об определенном имуществе либо ином имущественном интересе, являющемся объектом страхования;
- 2) о характере события, на случай наступления которого осуществляется страхование (страхового случая);
- 3) о размере страховой суммы;
- 4) о сроке действия договора.

Что касается существенных условий договора личного страхования, то они совпадают с условиями договора имущественного страхования, за исключением первого пункта, вместо имущества или имущественного интереса достигается соглашение о застрахованном лице.

Стороны договора страхования имеют право вносить и другие условия, в том числе те, которые приводят к заключению смешанного договора (сочетающего несколько договоров). При отсутствии в договоре существенного условия он не должен рассматриваться в качестве незаключенного, если на это не ссылаются его стороны или одна из сторон. Стоит отметить, что пропущенное условие может быть добавлено в документ, дополняющий договор страхования (его называют аддендум).

Обычными условиями договора страхования являются сведения о форме договора, месте заключения и моменте вступления в силу договора. Данные условия имеются во всяком договоре. Закон предусматривает их на случай, когда стороны не желают ставить иные условия.

Условия, предписываемые сторонам для согласования законодательством, называют обязательными. В страховом договоре за них принимают срок начала страховой защиты, страховую сумму и т.д.

Общеизвестно, что по желанию сторон в договор могут вноситься дополнительные условия, не противоречащие закону. Их принято называть инициативными, эти условия способствуют максимальному учету пожеланий сторон.

Заключение договора определено, как достижение соглашения по существенным условиям между всеми сторонами, оформленное в надлежащей форме и в порядке, предусмотренном законами РФ.

Договор будет считаться заключенным только тогда, когда его сторонами достигается соглашение по всем существенным условиям, при этом данное соглашение должно соответствовать требованиям к договорам такого рода. То есть заключение договора – это совпадение выраженной воли каждой из сторон.

Обычно заключение договора происходит путем направления одной стороной предложения (оферты), а другая сторона либо принимает его (принимает акцепт), либо отказывает. Данное правило

исходит из статьи 432 п. 2 Гражданского кодекса. Исходя из этого можно разделить этапы заключения договора на:

- 1) переговоры сторон до заключения договора;
- 2) направление предложения (оферты);
- 3) рассмотрение направленного предложения;
- 4) принятие предложения о заключении договора (акцепт оферты).

При этом оферта и ее акцепт являются обязательными этапами для любого договора.

Описанные выше условия подходят и для договора страхования. Так, для заключения договора страхования страхователь подает заявку страховщику, где излагает свое намерение в письменной форме или заявляет об этом иным способом. В ответ страховщик может предложить для заполнения специальную форму, разработанную им для приема на страхование. Так же страхователь сообщает обо всех существенных для страховщика обстоятельствах. В том случае, если страхователь принял решение о заключении со страховщиком договора страхования, он должен согласовать с ним условия заключаемого договора. Зачастую, условия, касающиеся заключения страхового договора, представлены в стандартных правилах определенного вида страхования, которые разрабатывает страховая компания (страховщик) и утверждает орган государственного надзора за страховой деятельностью при выдаче лицензии страховщику. Надо помнить, что для вступления в страховые отношения и заключения договора страхования стороны должны быть правоспособны и дееспособны. По отношению к страховщику это заключается в наличии лицензии на осуществление страховой деятельности и надлежащих учредительных документов, а к страхователю применяются общие правила исходя из ГК РФ.

При достижении соглашения сторон по условиям договора, страховщиком и страхователем принимается решение о его заключении. Стоит отметить, что необходимо соглашение по всем существенным условиям, чтобы договор был признан действительным.

Существует два пути заключения договора страхования: составление специального документа, как следует из статьи 434 ГК РФ, либо страхователю вручается страховой полис от страховщика, на основе письменного или устного заявления. Помимо страхового полиса страхователю может быть выдано страховое свидетельство, сертификат или квитанция. При заключении страхового договора страховщик имеет право на применение разработанных им стандартных форм договора (полиса) для отдельных видов страхования. Как правило, страховщик выдает полис после заключения договора и уплаты страховой премии. В страховом полисе обычно указывается: наименование документа, информация о страховщике (название, юридический адрес, реквизиты), информация о страхователе (его адрес и полное имя), указание объекта страхования и страхового риска, размер страховой суммы и взносов (порядок и сроки их выплаты), срок действия договора и порядок его изменения (прекращения), а также другие условия, согласованные сторонами, их подписи. По таким видам страхования, как например ОСАГО и обязательное медицинское страхование, действуют специальные формы полисов, которые утверждаются Правительством РФ. Так же в дополнение к основному полису может применяться генеральный полис, который нужен для страхования однотипных партий товаров и грузов на сходных условиях в течение определенного срока. Для страхования одного предмета применяется разовый страховой полис. Подпись страхователя в страховом полисе означает его согласие с условиями, предложенными страховщиком. Страховой полис является основным доказательством факта заключения договора страхования, надо помнить, что необходимость предъявления страхового полиса страхователем для получения в связи с наступившим страховым случаем обозначенных в нем страховых выплат не превращает страховой полис в ценную бумагу.

Если рассматривать процесс заключения договора страхования со стороны страхователя, то он будет выглядеть следующим образом:

- 1) страхователь подает в страховую компанию заявление о своем желании заключить договор (обычно это осуществляется в устной форме);
- 2) если страховщик изъявляет согласие на заключение договора, тогда страхователь представляет ему необходимые документы (исходя из вида страхования), а также возможен осмотр имущества, подлежащего страхованию;
- 3) в присутствии страхователя составляется договор или оформляется страховой полис. Возможно присутствие вместо страхователя его представителя;

4) страхователь производит оплату страховой премии, что означает заключение договора и вступление его в силу, так же страхователю выдается на руки страховой полис. Существует возможность указать другую дату вступления в силу договора страхования (помимо момента уплаты премии), однако это должно быть отражено в договоре.

Вдобавок к договору (страховому полису) страхователю могут выдать правила страхования, содержащие условия, на которых заключался страховой договор. Вручение таких правил должно быть отражено специальной записью в договоре.

Все вышеперечисленное подтверждается в главе 48 ГК РФ, которая непосредственно регулирует страховые отношения. Так статья 940 ГК определяет, что договор страхования должен заключаться в простой письменной форме, в той же статье описывается способ заключения договора путем составления одного документа, либо вручением полиса. То есть Гражданский кодекс устанавливает требование, касаясь письменной формы заключения договора. Несоблюдение п. 1 статьи 940 ГК ведет к признанию недействительности договора, при этом исключая договоры обязательного государственного страхования.

Правила страхования регламентируются статьей 943 ГК РФ и законом об организации страхового дела в РФ (ст. 3), в соответствии с которыми правила содержат: положения о субъектах страхования, об объектах страхования, о страховых случаях, о страховых рисках, о порядке определения страховой суммы, страхового тарифа, страховой премии (страховых взносов), о порядке заключения, исполнения и прекращения договоров страхования, о правах и обязанностях сторон, об определении размера убытков или ущерба, о порядке определения страховой выплаты, о сроке осуществления страховой выплаты, а также исчерпывающий перечень оснований отказа в страховой выплате и иные положения. Заключая договор страхования, его участники могут изменять или исключать отдельные правила страхования. Возможно дополнение данных правил новыми, по соглашению сторон. Осуществляя защиту своих законных интересов, страхователь имеет право ссылаться на правила страхования, если в договоре на них есть ссылка.

Можно заметить, что все общие правила о договорах применимы и к страховым правоотношениям, включая форму договоров, но необходимо знать и о существовании исключительно страхового правила, о полисной форме договора.

Надо помнить, что, несмотря на обязательность письменной формы договора страхования могут существовать исключения. Например, согласно статье 927 ГК обязательное государственное страхование может происходить вообще без заключения договора. В случае заключения договора по такому виду страхования стороны обязаны соблюдать его письменную форму. При отсутствии письменной формы в договоре обязательного государственного страхования наступают последствия, указанные в статье 162 п. 1 ГК: несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права (в случае спора) ссылаться, в подтверждение сделки и ее условий, на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства.

Вследствие того факта, что договор страхования вступает в силу с момента уплаты страховой премии, то процедура его заключения, описанная в ГК может считаться только формальностью. Иначе говоря, завершение процедуры заключения договора страхования не влечет обязательное вступление в силу договора и возникновение страховых отношений, хоть договор и считается формально заключенным.

После заключения страхового договора он считается действительным в течение того времени, которое было установлено в договоре. Истечение времени действия договора влечет к его прекращению.

Таким образом, автор считает, что в данной работе новыми являются следующие положения и результаты.

С авторской позиции дана характеристика договора страхования. Приведено понятие договора, представлен его предмет, а также стороны. Выделены основные признаки страхового договора, исходя из законодательства РФ, а также приведены отличия от других видов гражданско-правовых договоров. Отмечено спорное представление многих правоведов о предмете договора страхования, так, например, его зачастую отождествляют с объектом страхового договора. Описаны основные стороны договора, которые несут на себе страховые обязательства.

Приведено содержание страхового договора и его условия. Содержание договора представляют основные права и обязанности сторон, которые изложены на основании страхового законодательства. Отмечены и условия договора страхования, без которых он не может считаться заключенным.

Приведен порядок заключения договора страхования. Это касается его этапов, исходя из общих положений ГК о договорах, так и основываясь на специфических нормах страхования (так, например, договор не будет считаться заключенным до оплаты страховой премии). Изложены основные пути заключения договора страхования, а также его форма, установленная ГК РФ. В целом данная статья представляет наиболее общие сведения о договоре страхования в целом.

Список литературы

1. Демидова Г.С. К вопросу о понимании содержания договора страхования // Юрист. – 2006. – № 10. – С. 46–49.
2. Демидова Г.С. Отграничение договора страхования от смежных гражданско-правовых обязательств // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 19–21.
3. Елизарова Н.В. Страхование право: уч.-метод. комплекс. URL: www.e-college.ru.
4. Петров Н.В. Предмет договора страхования и страховой интерес // Пробелы в Российском законодательстве. – 2009. – №3. – С. 24–26.
5. Романова И.Н. Значение страховой защиты субъектов предпринимательской деятельности в современных условиях // Право и экономика. – 2017. – № 1 (347). – С. 22–27.
6. Романова И.Н. Особенности договора страхования имущества / Научные труды Московского университета имени С.Ю. Витте. Сб. научных статей. – М., 2017. – С. 88–98.
7. Романова И.Н. Сущность страховой защиты субъектов предпринимательской деятельности // Юридическая наука. – 2017. – № 1. – С. 59–63.

TO THE QUESTION OF THE CONTRACTUAL NATURE OF THE INSURANCE OF INSURANCE OBLIGATIONS

Sotskova N.I.,

*Senior Lecturer in civil law and procedure,
e-mail: sotskova-nataliya@mail.ru,
Moscow Witte University, Ryazan branch,
<http://www.muiv.ru>*

Within the framework of this article, the specificity of the insurance contract, which is a key legal form of insurance relations in the conditions of modern realities, is explored.

Keywords: insurance contract, insurance servants, the legal nature of the contract, classification of insurance contracts, contract of property insurance, personal insurance contract, essential terms of the insurance contract, the procedure for concluding an insurance contract

УДК 347.626

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО РАЗДЕЛУ СОВМЕСТНО НАЖИТОГО ИМУЩЕСТВА БЫВШИХ СУПРУГОВ

Милушева Татьяна Владимировна,

д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса,

e-mail: mtv62@mail.ru,

РАНХиГС Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина,

http://piu.ranepa.ru/

Яковлева Анна Петровна,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса,

e-mail: yakovleva-anna1@yandex.ru,

РАНХиГС Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина,

http://piu.ranepa.ru/

В статье речь идет о дискуссионных моментах, возникающих в процессе раздела имущества супругов, брак которых расторгнут. Анализируется судебная практика, высказываются аргументы в пользу применения в таких случаях общего положения о том, что режим совместно нажитого имущества супругов не меняется до его раздела или определения в нем долей.

Ключевые слова: супруги, бывшие супруги, общая совместная собственность супругов, расторжение брака, раздел имущества супругов

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-40-42

Институт имущественных отношений супругов является весьма важным, системообразующим для функционирования отдельной семьи и в решающей степени определяет состояние общества в целом, перспективу его поступательного развития. Правовая регламентация таких отношений должна отвечать положениям Конституции России о высшей ценности прав и свобод человека и гражданина, быть адекватной современным экономическим реалиям.

Между тем правоприменительная практика выявляет существенные недостатки, коллизии и пробелы в правовом регулировании имущественных отношений супругов. Означенное свидетельствует о необходимости теоретического переосмысления положений доктрины имущественных отношений супругов с точки зрения семейного и гражданского права, крайне важен также систематический мониторинг законодательства и правоприменительной практики.

Немало дискуссионных вопросов возникает в связи с разделом совместно нажитого имущества супругов, брак которых расторгнут. Не секрет, что раздел имущества супругов – это всегда сложный с юридической точки зрения и болезненный в моральном плане процесс. Общие правила, закрепленные СК РФ, казалось бы, достаточно четко регламентируют законный режим имущества супругов и устанавливают положение о том, что при разделе имущества доли супругов признаются равными.

Владение, пользование, распоряжение общим имуществом супругов осуществляется по обоюдному согласию супругов (ч. 1 ст. 35 СК РФ), при распоряжении имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, требуется нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Отсутствие такого согласия является основанием для признания сделки недействительной.

Примечательно то, что раздел имущества может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения. Логичным является применение общих правил и к отношениям между бывшими супругами. В частности утверждения о том, что если совместная собственность не поделена, она остается таковой до ее раздела. Тем не менее, в судебных решениях встречаются различные толкования данного положения, причем выводы судов, зачастую, совершенно противоположны. Подобная разноречивая судебная практика свидетельствует о наличии правовой неопределенности в данной сфере общественных отношений, что указывает на необходимость уточнения некоторых моментов.

Интерес в контексте исследуемой проблемы вызывает следующая судебная практика. Так, после расторжения брака супруги Б., не делили совместно нажитое имущество. Спустя некоторое время бывшая супруга Б., продала земельный участок, который был приобретен в период брака, без письменного согласия бывшего супруга. В связи с чем он обратился в суд о признании договора купли-продажи земельного участка недействительным. В основании своих исковых требований Б. сослался на то, что земельный участок является совместной собственностью супругов, а согласия бывшего супруга не было получено. Действительно, данный повод является основанием для признания сделки недействительной. Весьма предсказуемым и логичным является то, что суды первой и апелляционной инстанций требование истца удовлетворили.

Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации установила, что имеются основания для отмены состоявшихся по делу судебных постановлений – а именно существенные нарушения норм материального права. Основанием для отмены послужили, по мнению Верховного Суда РФ, существенные нарушения норм материального права. Было отмечено, что поскольку брак между супругами Б. расторгнут, они не являются субъектами семейных правоотношений, а становятся участниками гражданского оборота. Основанием для признания недействительной сделки по распоряжению общим имуществом по гражданскому законодательству является не отсутствие нотариально удостоверенного согласия участника совместной собственности, а отсутствия у участника, совершившего сделку, необходимых полномочий только в случае, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать об этом (п. 3 ст. 253 ГК РФ) [1].

Представленная позиция вызывает некоторые сомнения. Думается, что определяющее значение для разрешения спорной ситуации является режим отчуждаемого имущества, а не изменившийся после расторжения брака статус супругов. Поскольку совместная собственность супругов не поделена, она остается таковой и после расторжения ими брака. Данный вывод демонстрирует Апелляционные определения Камчатского краевого суда от 13 ноября 2014 г. по делу № 33-1804/2014 о том, что «режим общей совместной собственности на супружеское имущество действует с момента заключения брака вплоть до раздела имущества. Сам по себе факт прекращения брака режима совместной собственности на нажитое в браке имущество не прекращает» [2], Приморского краевого суда от 31 марта 2015 г. по делу № 33-2605 [3].

Хотя из материалов дел следует, что стороны гражданского процесса (в зависимости от своей позиции) также апеллируют к нормам гражданского законодательства для регулирования статуса имущества супругов, нажитого во время брака. Думается, что в этом не последнюю роль играет позиция Верховного Суда РФ относительно применения норм гражданского законодательства к режиму имущества бывших супругов.

Однако полагаем, что более логичными, отвечающими общему смыслу семейных отношений и семейного законодательства, а посему верными являются аргументы судей, применяющих при разделе совместно нажитой собственности супругов, брак которых расторгнут, нормы семейного, а не гражданского законодательства.

В научных исследованиях также нет единства точек зрения по означенной проблеме. Например, предлагается закрепить годичный срок с момента прекращения брака для урегулирования вопросов прекращения права общей совместной собственности бывших супругов, после истечения которого титульный собственник вправе распоряжаться имуществом без согласия, установленного п. 3 ст. 35 СК РФ [4, с. 20]; с целью более надежной защиты права бывших супругов от злоупотреблений со стороны сособственников, аргументируется законодательная регламентация необходимости получения нотариального согласия не только от супругов, но и от бывших супругов [5, с. 6].

Приведенная выше аргументация, согласно которой к регулированию правоотношений по разделу имущества между бывшими супругами необходимо применять нормы семейного права, представляется логичной, отвечающей общему смыслу семейных отношений и семейного законодательства. Семейные правоотношения являются специфичными с точки зрения права. Они, представляются длящимися, возникают на основе особых юридических фактов. Не случайным является и то, что сроки исковой давности к семейным правоотношениям не применяются, за исключением случаев прямо предусмотренных законом. Это еще раз свидетельствует об их отличительной особенности от отноше-

ний гражданско-правовых. После прекращения брака имущество остается принадлежащим супругам на праве общей совместной собственности до того момента, пока бывшие супруги не осуществят его раздел или не определяют доли в этом имуществе. Это правило отвечает существу семейных правоотношений, роли имущества как базового института семьи, общеправовому принципу справедливости, а также принципам семейного права.

С точки зрения значения правоприменительной практики как неофициального источника права в российской правовой системе, полагаем, что назрела необходимость в уточнении Пленумом Верховного Суда РФ Постановления указанного спорного вопроса, что и будет служить для судей ориентиром при разрешении аналогичных дел.

Значение судебной практики в правовой системе России, безусловно, возрастает. Она является ориентиром для судей и обоснованно претендует на роль источника права. В то же время необходимо обеспечить единство законности на всей территории государства [6], что требует от судей более взвешенного и ответственного подхода в принятии решений, особенно на уровне высшей судебной инстанции.

Авторы считают, что в данной работе новым является сравнительное исследование судебной практики по делам о разделе совместно нажитого имущества бывших супругов и высказывается точка зрения о пути устранения коллизий.

Список литературы

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 55-КГ15-5 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vsrfl.ru/stor_pdf.php?id=1383160 (дата обращения: 11.11.2017).
2. Апелляционное определение Камчатского краевого суда от 13 ноября 2014 г. по делу № 33-1804/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SODV;n=47276> – 0 <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SODV;n=47276#0> (дата обращения: 14.11.2017).
3. Определение Приморского краевого суда от 31 марта 2015 г. по делу № 33-2605 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SODV;n=62934> – 0 <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SODV;n=62934#0> (дата обращения: 14.11.2017).
4. Труш Ж.С. Особенности осуществления и прекращения права собственности супругов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013.
5. Пастухова С.О. Особенности гражданско-правового регулирования имущественных отношений супругов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.
6. Нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права является одним из оснований для отмены судебных актов в порядке надзора в соответствии с п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ.

SOME OF THE ISSUES OF LAW ENFORCEMENT ON THE DIVISION OF JOINT PROPERTY BETWEEN THE FORMER SPOUSES

Milusheva T.V.,

*Dr. Jurid.Sciences, docent, head of chair civil law and procedure
Ranepa Volga management Institute named after P. A. Stolypin,*

Yakovleva A.P.,

*Cand. the faculty of law. Sciences, Assoc. the Department of civil law and process
Ranepa Volga management Institute named after P. A. Stolypin*

In this article we are talking about discussion points that arise in the process of division of property of spouses whose marriage has been dissolved. Analyze judicial practice, the argument in favor of using in such cases the General provisions on the regime of joint property of spouses does not change until it is divided or determine it a share.

Keywords: spouses, former spouses, joint property of spouses, divorce, division of marital property

УДК 347.9

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Щербакова Лилия Геннадиевна,

канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского права и процесса,

e-mail: lilia2107@mail.ru,

РАНХиГС Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина,

<http://piu.ranepa.ru/>,

Чепурнов Максим Андреевич,

магистрант кафедры гражданского права и процесса,

РАНХиГС Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина,

<http://piu.ranepa.ru/>

В статье рассматриваются и анализируются различные варианты классификации альтернативных способов урегулирования споров. Выявляются преимущества и недостатки каждого из представленных подходов. Представляется собственная классификация APC.

Ключевые слова: APC, переговоры, медиация, примирение, мини-процесс, частный суд, классификация

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-43-45

Современное общество за время существования альтернативных способов разрешения споров (далее APC) разработала и применяет в том или ином виде множество способов урегулирования споров и их всевозможных комбинаций. Можно выделить основные виды: переговоры, переговоры с участием посредника (facilitated negotiation или facilitation), посредничество (mediation), примирение (conciliation), досудебное совещание по урегулированию спора (settlement conference), арбитраж (med-arb), посредничество-независимое разрешение (adjudication), мини-процесс (minitrial), частный суд (private judging), «суд со множеством дверей» (multi-door courthouse), установление фактических обстоятельств дела (fact finding), предварительная независимая оценка (early neutral evaluation), экспертное определение (заклучение) (expert determination), комиссии по рассмотрению споров (dispute review boards), упрощенный суд присяжных (summary jury trial), а также возможны другие процедуры и их вариации в том или ином удобном для спорящих сторон виде.

В современной отечественной системе права нет четкого представления о месте альтернативных примирительных процедур, что может привести к неправильному пониманию их правовой природы. Это впоследствии негативно скажется на практике применения и на процессе развития APC [1, с. 30].

Рассматривая такое большое количество APC, необходимо унифицировать и классифицировать их. Это необходимо для правильного исследования механизмов работы, применения и внедрения примирительных процедур.

Классическое деление процедур APC на основные и комбинированные. К основным относят: переговоры, посредничество, арбитраж. А из этих основных процедур появляется по взаимному решению сторон большое число комбинированных процедур, необходимых и оптимальных для конкретных обстоятельств дела. Можно привести примеры: посредничество-арбитраж; «минисуд», частная судебная система и многие другие [2, с. 19].

Один из вариантов классификации предлагает А.И. Херсонцев. Он, изучая данные Европейской комиссии по вопросу альтернативного разрешения споров, приходит к необходимости классификации APC по степени участия в процессе урегулирования третьей стороны. Автор разделяет APC на две группы. Первая группа содержит варианты процедур, при которых третья сторона привлекается для участия в споре, в одном случае с ее помощью согласовывается и принимается решение по факту спора, обязательное для выполнения сторонами, а в другом – третья сторона только способствует разрешению спора и ее действия носят исключительно рекомендательный характер, необязательный для выполнения сторонами спора. Ко второй группе автор относит такие процедуры, при которых третья сторона

участвует в процессе примирения для помощи в принятии консенсуального решения между сторонами, и при этом сама не вырабатывает собственную позицию по спору [3, с. 119].

Классификацию APC, предложенную Херсонцевым А.И., считать полной не совсем правильно. Хотя классификация и затрагивает практически все известные APC, но она упускает один из самых важных способов – переговоры. Переговоры могут быть двух типов – с участием третьей стороны и без такового. Поэтому представленная классификация нуждается в доработке.

Во многих странах мира APC развиваются не только в частной сфере, но и в государственном правосудии. Этот факт позволяет разделить процедуры на две группы: публичные и частные [4, с. 25]. Е.И. Носырева, изучая альтернативные способы урегулирования споров в США, приходит к похожим позициям. Она относит к частным процедурам переговоры, посредничество, мини-суд и др. Эти процедуры отличает добровольное решение их использования. Вторую группу она называет условно-публичные процедуры и к ним относит те, которые используются внутри судебной системы (досудебный арбитраж, упрощенный суд присяжных и т.д.) [5, с. 39–41].

Несколько вариантов классификаций приводит в своей статье «Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права» Г.В. Севастьянов. [6, 104-106]

Первая классификация основана на порядке применения процедур APC:

- 1) внеюрисдикционный (любой из способов APC);
- 2) доюрисдикционный (устанавливается законом или соглашением сторон и основан на методе урегулирования правового конфликта: переговоры, примирение, посредничество);
- 3) юрисдикционный (устанавливается законом и основан на методе урегулирования конфликта, например, посредничество).

Исходя из такого деления, может получиться такой вариант, что одна процедура по своей природе будет подходить сразу к нескольким пунктам, например, посредничество. Выходит данная классификация не процедур APC, а вариантов их использования.

Вторая классификация, представленная Г.В. Севастьяновым, основана на методе разрешения спора:

- 1) состязательные (третейское разбирательство, международный коммерческий арбитраж);
- 2) консенсуальные (переговоры, примирение, посредничество, омбудсмен);
- 3) рекомендательные (арбитраж с рекомендательным решением, мини-суд, упрощенный суд присяжных, независимая экспертиза по установлению фактических обстоятельств дела);
- 4) смешанные (посредничество-арбитраж, арбитраж-посредничество, разрешение коллективных трудовых споров) [7, с. 104–106].

Классификация по методу разрешения спора позволяет более точно разделить процедуры APC. Но и в этом случае возможны накладки. Например, процедура может быть состязательной (мини-суд), а решение будет рекомендательным.

Следующая классификация Г.В. Севастьянова основана на обязательности применения способов APC:

обязательные, основаны на законе или международном договоре, а также обязательны в досудебном и судебном порядке;

добровольные, основополагающий фактор которых добровольное соглашение сторон (переговоры, медиация).

Все классификации представленные Г.В. Севастьяновым позволяют разделить APC, но при этом они не лишены недостатков. Например, не всегда можно точно отнести конкретную процедуру к отдельному типу по той или иной классификации.

Исследуя нормативную, учебную и специальную литературу, анализируя различные точки зрения ученых по вопросу о классификации альтернативных процедур, мы можем представить собственную обобщенную классификацию, основанную на участии третьего лица:

- 1) без привлечения третьего лица к участию в разрешении спора (переговоры);
- 2) с привлечением третьего лица к участию в разрешении спора:
 - а) способствует разрешению спора, но не имеет собственной позиции по делу (медиация);
 - б) способствует разрешению спора, имеет собственную позицию по делу, но решение не является обязательным (мини-суд, экспертное заключение);

в) способствует разрешению спора, имеет собственную позицию по делу и решение является обязательным для исполнения сторонами спора (арбитраж).

Представленная классификация альтернативных способов урегулирования споров является обобщением различных научных концепций и работ ученых в этом направлении. Она позволяет изучить предмет АРС с помощью структурно-системного метода исследования для определения структуры, основных элементов и функциональной направленности отдельных примирительных процедур, что в свою очередь позволит разрабатывать наиболее эффективные механизмы внедрения и развития примирительных процедур в обществе.

Список литературы

1. Макарова С.А. Понятие и правовая природа способов альтернативного разрешения споров как теоретико-правовой категории // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 4-2. – С. 30.
2. Arnold T. Why ADR? // Alternative Dispute Resolution: How to Use it Your Advantage. ALI – ABA course of study. – 1996. – P. 19.
3. Херсонцев А.И. Альтернативное разрешение споров: проблемы правового регулирования и европейский опыт // Российский юридический журнал. – 2003. – № 3. – С. 119.
4. Штенан П. Альтернативные способы разрешения споров. – СПб., 2002. – С. 25.
5. Носырева Е.И. Альтернативное разрешение споров в США. – М., 2005. – С. 39–41.
6. Севастьянов Г.В. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права // Хрестоматия альтернативного разрешения споров: уч.-метод. материалы и практические рекомендации / сост. Г.В. Севастьянов. – СПб.: АНО «Редакция журнала “Третейский суд”», 2009. – С. 104–106.
7. Севастьянов Г.В. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права // Хрестоматия альтернативного разрешения споров: уч.-метод. материалы и практические рекомендации / сост. Г.В. Севастьянов. – СПб.: АНО «Редакция журнала “Третейский суд”», 2009. – С. 104–106.

THE PROBLEM OF CLASSIFICATION ALTERNATIVE DISPUTE RESOLUTION

Scherbakova L.G.,

*Cand. the faculty of law. Sciences, Assoc. the Department of civil law and process
Ranepa Volga management Institute named after P. A. Stolypin,*

Chepurinov M.A.,

*graduate student of Department of civil law and process
Ranepa Volga management Institute named after P. A. Stolypin*

The article discusses and analyzes the different classifications of alternative dispute resolution. The author identifies the advantages and disadvantages of each of the presented approaches. The author presents his own classification of ADR.

Keywords: ADR, negotiations, mediation, conciliation, minitrial, private judging, classification

УДК 349.2

КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЙ ОТПУСК ПРИ УВОЛЬНЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРИОРИТЕТА ПРИМЕНЕНИЯ КОНВЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА № 132 ОБ ОПЛАЧИВАЕМЫХ ОТПУСКАХ

Кирилин Алексей Владимирович,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Московский университет им. С.Ю. Витте,
г. Москва,
<http://www.muiv.ru>

В статье рассмотрены проблемы применения ст. 127 Трудового кодекса Российской Федерации в части выплаты работнику денежной компенсации за все неиспользованные отпуска при его увольнении, возникшие после ратификации Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 139-ФЗ Конвенции об оплачиваемых отпусках (Конвенции № 132) Международной организации труда.

Ключевые слова: ежегодный отпуск, увольнение, компенсация, МОТ, конвенция

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-46-50

Статья 127 Трудового кодекса Российской Федерации [2] (далее – ТК РФ) содержит известную норму – «При увольнении работнику выплачивается денежная компенсация за все неиспользованные отпуска».

Одновременно ТК РФ в статье 10, повторяя постулаты части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации [1], указывает, что «если международным договором Российской Федерации установлены другие правила, чем предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, применяются правила международного договора».

В контексте рассматриваемого вопроса, в качестве одного из международных договоров, обратим внимание на Конвенцию об оплачиваемых отпусках (Конвенцию № 132), принятую на 54-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда в городе Женеве 24 июня 1970 года [8] (далее – Конвенция), которая ратифицирована Федеральным законом от 1 июля 2010 г. № 139-ФЗ «О ратификации Конвенции (пересмотренной в 1970 году) об оплачиваемых отпусках (Конвенции № 132)» [3].

Конвенция в пункте 1 статьи 9 устанавливает: «Непрерывная часть ежегодного оплачиваемого отпуска, упомянутая в пункте 2 статьи 8 настоящей Конвенции, предоставляется и используется не позже, чем в течение одного года, а остаток ежегодного оплачиваемого отпуска не позже, чем в течение восемнадцати месяцев после окончания того года, за который предоставляется отпуск».

Отметим, что указанный пункт 2 статьи 8 Конвенции обязывает работодателя предоставить работнику отпуск, одна из частей которого должна составлять, по меньшей мере, две непрерывные рабочие недели.

Таким образом, толкование пункта 1 статьи 9 Конвенции «дает основание полагать», что отпуск, не предоставленный работнику в течение восемнадцати месяцев после окончания того года, за который он предоставляется, «пропадает», т.е. работник утрачивает право как на непосредственно отпуск «в натуре», так и на денежную компенсацию за неиспользованный отпуск.

Следует отметить, что это не авторская трактовка конвенциональной нормы, а непосредственно судебной власти, представители которой утверждают, что доводы о неправильном применении положений Конвенции, а также ссылка на статью 127 Трудового кодекса РФ, устанавливающую обязанность выплаты работнику при его увольнении денежной компенсации за все неиспользованные отпуска, основаны на неправильном толковании действующего законодательства.

Соответственно, при рассмотрении трудового спора необходимо учитывать и применять положения Конвенции № 132 о сроке давности по требованиям о компенсации за неиспользованные отпуска,

поскольку указанные нормы международного права являются составной частью национальной правовой системы РФ.

Этот «постулат» закреплён многочисленными судебными вердиктами – Определение Московского городского суда от 08 августа 2017 г. по делу № 4г-8842/2017, Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 10 мая 2017 г. по делу № 33-12196/2017, Апелляционное определение СК по гражданским делам Тамбовского областного суда от 18 января 2017 г. по делу № 33-259/2017, Апелляционное определение СК по гражданским делам Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 23 августа 2016 г. по делу № 33-6244/2016, Апелляционное определение СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 15 сентября 2016 г. по делу № 33-16330/2016.

Приведенный перечень не «закрытый» как по судам, так и по количеству вердиктов и по датам их вынесения.

Анализируемое положение можно рассматривать как пример соблюдения судебной властью «приоритета международного права», что безусловно, и не подлежит сомнению при наличии указанной выше конституционной нормы.

Однако существует ряд обстоятельств, на которые следует обратить внимание.

Так, некоторые суды имеют «противоположную» правовую позицию, которая аргументирована в судебных вердиктах. Представляется целесообразным указать некоторые из них.

Статьей 1 Конвенции определено, что ее положения применяются через национальное законодательство и нормативно-правовые акты, в той мере, в какой они не применены иначе посредством коллективных договоров, арбитражных и судебных решений государственных механизмов установления заработной платы или любых других схожих инструментов в соответствии с практикой данной страны и с учетом существующих в ней условий.

Данное конвенциональное положение позволяет сделать вывод о том, что в тех случаях, когда национальное законодательство содержит более льготное регулирование по сравнению с нормами Конвенции, должны применяться нормы национального законодательства, коллективные договоры и соглашения, локальные нормативные акты, регламентирующие основные вопросы, касающиеся порядка предоставления, использования и оплаты отпусков.

Указанные в пункте 2 статьи 9 Конвенции положения международного права регулируют лишь сроки предоставления и использования трудовых отпусков в период трудовых отношений сторон, и не устанавливают срок, в течение которого работник вправе обратиться в суд с иском о взыскании компенсации за неиспользованные отпуска после увольнения, равно как и не устанавливают каких-либо ограничений гарантированного работнику ст. 127 Трудового кодекса Российской Федерации права на получение при увольнении компенсации за все неиспользованные отпуска.

Названная правовая позиция изложена в таких вердиктах, как Апелляционное определение СК по гражданским делам Воронежского областного суда от 10 ноября 2015 г. по делу № 33-5926/2015, Апелляционное определение СК по гражданским делам Оренбургского областного суда от 14 декабря 2016 г. по делу № 33-9621/2016, Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 15 июля 2016 г. по делу № 33-12283/2016.

Целесообразно напомнить, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская» [9, с. 198]

Соответственно, судебная практика всех регионов России должна быть единой, в том числе и по рассматриваемому вопросу.

Диаметрально-противоположная судебная практика в различных субъектах российской Федерации может привести к «парадоксальной» ситуации. Так, если учесть, что статья 29 ГПК РФ в рассматриваемых спорах устанавливает подсудность по выбору истца, то подобные судебные споры с одним ответчиком – работодателем, могут привести к диаметрально-противоположным решениям. Одно судебное решение будет основано на применении норм Конвенции, другое – на применении норм ТК РФ.

Целесообразно обратить внимание на отдельные положения мотивировочной части судебных решений, в которых обосновывается применение конвенциональных положений.

Положения статьи 9 Конвенции, устанавливают право использования ежегодного оплачиваемого отпуска не позже, чем в течение восемнадцати месяцев после окончания того года, за который предо-

ставляется отпуск, истец вправе обратиться к работодателю с заявлением о предоставлении очередного отпуска за соответствующие периоды, поскольку работник должен отдыхать как минимум две недели подряд, а остальные отпускные дни использовать в течение 18 месяцев после окончания года, за который они начислены.

Таким образом, утверждается, что отпуск – это право работника, которое может быть реализовано в течение ограниченного времени.

Одновременно указывается, что, учитывая установленный законом трехмесячный (в настоящее время – 12 месяцев) срок обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, истец вправе был обратиться в суд с требованием о взыскании компенсации за неиспользованный отпуск за конкретный период работы не позднее 21 месяца (в настоящее время – 30 месяцев), т.е. в течение 3 (12) месяцев со дня окончания периода 18 месяцев, в течение которого работник имел право использовать отпуск за тот год, за который он предоставляется.

В той или иной форме такой постулат зафиксирован в судебных вердиктах – Определение Московского городского суда от 25 апреля 2016 г. № 4г-4624/16, Апелляционное определение Московского городского суда от 14 марта 2016 г. № 33-3007/16, Апелляционное определение Московского городского суда от 12 апреля 2017 г. № 33-13526/17, Апелляционное определение Московского городского суда от 22 марта 2017 г. № 33-7541/17.

При этом не совсем понятно, каким образом работник вправе обратиться в суд с требованием о взыскании компенсации за неиспользованный отпуск, с учетом положений статьи 126 ТК РФ, запрещающей замену отпуска денежной компенсацией.

Нельзя исключить, что «рекомендации» судебной практики могут быть реализованы многими работниками, поэтому мы получим новую категорию индивидуальных трудовых споров.

Конвенция (статья 12) запрещает сторонам договариваться о неиспользовании минимального ежегодного оплачиваемого отпуска с заменой его компенсацией.

При этом согласно статье 11 работнику после прекращения трудовых отношений с работодателем предоставляется оплачиваемый отпуск, пропорциональный продолжительности периода его работы, за который ему не было предоставлено отпуска, или же выплачивается денежная компенсация.

Необходимо особо отметить – никаких ограничений по продолжительности периода, пропорционально которому определяется количество положенных работнику дней отпуска, не установлено.

Таким образом, Конвенция, как и Трудовой кодекс РФ, не предусматривает замену отпуска денежной компенсацией в период действия трудового договора, а обязывает работодателя компенсировать все неиспользованные дни отпуска деньгами только при увольнении.

Соответственно, право работника на получение денежной компенсации за отпуск не может оказаться пропущенным и (или) нарушенным, а срок, установленный для судебной защиты (срок давности) подлежит исчислению с момента увольнения работника.

Выше указывалось на конституционную норму и на положения статьи 10 ТК РФ о приоритете правил международного договора.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (пункт 3 статья 5) [4] устанавливает, что в РФ непосредственно действуют положения официально опубликованных международных договоров, не требующие издания внутригосударственных актов для применения.

Для осуществления иных положений международных договоров принимаются соответствующие правовые акты.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в пункте 3 постановления от 10 октября 2003 г. № 5 [5], к признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора РФ, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство.

При рассмотрении судом гражданских дел непосредственно применяется такой международный договор России, который вступил в силу и стал обязательным для РФ и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права.

На необходимость учитывать эти разъяснения при разрешении судами трудовых споров обращено внимание в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 [6].

Как было указано выше, статья 1 Конвенции устанавливает применение ее положений через национальное законодательство.

При наличии подобного конвенционного положения возникает вопрос о возможности непосредственного применения Конвенции, или российские суды при разрешении трудовых споров должны применять ТК РФ?

В заключение необходимо отметить статью 19 Устава Международной Организации Труда [7], согласно которой – ни в коем случае ратификация какой-либо конвенции любым членом Организации не должна рассматриваться как затрагивающая какой-либо закон, который обеспечивает более благоприятные условия для заинтересованных трудящихся, чем те, которые предусматриваются Конвенцией.

Заключение

Авторы считают, что в данной работе новыми являются следующие положения и выводы: в настоящее время судебная практика не имеет однозначного толкования применения норм Конвенции № 132 Международной Организации Труда. Соответственно требуется либо «регламентация» сложившегося положения Верховным Судом российской Федерации, либо исключение из Трудового кодекса Российской Федерации нормы статьи 127 норму – «При увольнении работнику выплачивается денежная компенсация за все неиспользованные отпуска».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.) // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия от 30.11.2017.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия от 30.11.2017.
3. Федеральный закон от 1 июля 2010 г. № 139-ФЗ «О ратификации Конвенции (пересмотренной в 1970 году) об оплачиваемых отпусках (Конвенции № 132)» // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия от 30.11.2017.
4. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия от 30.11.2017.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия от 30.11.2017.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия от 30.11.2017.
7. Устав Международной Организации Труда // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия от 30.11.2017.
8. Конвенция об оплачиваемых отпусках (Конвенцию № 132), принятая на 54-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда в городе Женеве 24 июня 1970 года // ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Максимум. Вся Россия / НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС-УНИВЕРСИТЕТ». Версия от 30.11.2017.
9. Ленин В.И. О «двойном» подчинении и законности. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 198.

**COMPENSATION FOR UNUSED HOLIDAY AT DISMISSAL:
PRIORITY PROBLEMS OF APPLICATION OF THE CONVENTION
OF THE INTERNATIONAL LABOUR ORGANIZATION NO. 132 ON HOLIDAYS WITH PAY**

Kirilin A.V.,

*PhD, Assistant Professor, Associate Professor,
Department of civil law and procedure,
Moscow Witte University, Moscow, <http://www.muiv.ru>*

In the article the problems of application of article 127 of the Labour code of the Russian Federation in the part of the payment to the employee monetary compensation for all unused vacation at his dismissal arising after the ratification of the Federal act of 1 July 2010 No. 139-FZ of the Convention on paid leave (Convention No. 132) of the International labour organization.

Keywords: annual leave, dismissal, compensation, ILO Convention

УДК 340.5

ВЗЯТКА: ПРЕСТУПЛЕНИЕ, НАКАЗАНИЕ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Каменская Елена Викторовна,

канд. юрид. наук, доцент,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права,

E-mail: ekatenskaya@miiv.ru,

Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва,

www.miiv.ru

Статья посвящена взяточничеству в различных государствах, а также способам противодействия ему. Автор особое внимание уделил истории возникновения взяточничества в России.

Ключевые слова: коррупция, предупреждение коррупции, взятка, законодательство об ответственности за взяточничество, взяточничество, органы государственной власти, государственная служба

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-51-57

Взятка – одно из наиболее распространенных и опасных преступлений коррупционной направленности. Так его характеризует и Верховный Суд РФ, принявший в 2013 году соответствующее постановление [1]. Анализу феномена взятки посвящено множество работ: юридических, исторических, публицистических, художественных. Например, русский классик М.Е. Салтыков-Щедрин в своем романе «Помпадуры и помпадурши» писал: «Что может быть покладистее, уживчивее и готовнее хорошего, доброго взяточника? Ради возможности стащить лишнюю копейчку он готов ужиться с какой угодно внутренней политикой, уверовать в какого угодно Бога».

История взятки и взяточничества столь древняя, что упоминания об ответственности за нее мы находим в ряде исторических правовых памятников, например, в Законах Двенадцати таблиц: «Неужели ты будешь считать суровым постановление закона, карающее смертною казнью того судью или посредника, которые были назначены при судоговорении [для разбирательства дела] и были уличены в том, что приняли денежную мзду по [этому] делу?». Известный римский государственный деятель, юрист и оратор М.Т. Цицерон говорил: «Взяточники должны трепетать, если они наворовали лишь столько, сколько нужно для них самих. Когда же они награбили достаточно для того, чтобы поделиться с другими, то им нечего больше бояться». Аристотель отмечал, что «самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться» [2, с. 830].

Государства на протяжении веков пытались бороться со взяточничеством разными способами. Но к началу XXI века – это по-прежнему распространенное коррупционное правонарушение, однако есть большой позитивный опыт ряда государств, которые смогли создать систему мер в сфере противодействия коррупции, и, в частности, борьбы со взяточничеством.

История русского государства и права также насыщена попытками государства переломить ситуацию и найти меры по снижению уровня коррупции и взяточничества. Понятие посула, под которым понималась плата подсудимого судье за «прилежание», употребляется в смысле взятки, начиная с Псковской Судной Грамоты 1397 года. В Судебнике 1497 года впервые было запрещено не только не принимать, но и давать взятку. Ответственность за получение взяток (посулов) предусматривалась в Соборном Уложении 1649 года.

Петр I также внес свой вклад в борьбу со взяточничеством, издав Указы: а) от 24 декабря 1714 года «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное»; б) от 17 марта 1714 года «О должности фискалов», которым была создана особая служба наблюдателей, предотвращающих коррупцию и нарушение законов. Фискалы должны были «проведывать и доносить» Сенату и царю о всех «безгласных делах» (то есть делах, проходящие по разряду латентной (скрытой) преступности) – это в первую очередь взятки и кража казны [3, с. 150]. Однако институт фискалов привел к обратному результату,

они и сами не смогли удержаться от возможностей получать взятки. Недостаточная действенность и надежность фискалитета привела к формированию особого института прокуратуры как контрольного учреждения в 1722 году. Основными средствами борьбы со взяточничеством в петровскую эпоху были, таким образом, жестокие наказания за злоупотребления служебным положением (в 1723 году Петр I ввел смертную казнь за мздоимство, и лишь в легчайших случаях – вечную ссылку с вырезанием ноздрей и отнятием всего имения) и контроль деятельности учреждений, в том числе и личный контроль царя. Однако сократить число взяточничества, казнокрадства и иных должностных правонарушений не удалось.

При Екатерине II ситуация со взяточничеством и иными должностными преступлениями кардинально не изменилась. Уже спустя три недели со дня начала царствования, 18 июля 1762 года, она подписала Указ «Об держании судей и чиновников от лихоимства». Но взятки фактически превратились в механизм управления государством. Об этом же говорил и император Александр I.

Для борьбы с коррупцией впервые при Николае I были введены регулярные ревизии на всех уровнях, целью которых была не только борьба с коррупцией, но и необходимость наведения порядка в государственных делах. В 1845 году было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое действовало до 1917 года (с изменениями 1866, 1885 гг.). В разделе «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной» названного Уложения содержалась глава VI «О мздоимстве и лихоимстве». В самом законе понятия мздоимства и лихоимства не разъяснялись. «Остается догадываться, – писал А. Лохвицкий, – что под мздоимством он (закон) разумеет принятие взятки для совершения дела законного, а под лихоимством – для дела незаконного» [4, с. 424]. Уложение о наказаниях оговаривало возможность получения взятки должностным лицом и через других, в том числе жену, детей, родственников, знакомых, предусматривало некоторые завуалированные способы получения взятки под предлогом проигрыша, продажи, мены или другой какой-либо мнимой законной сделки.

В царствование Николая I можно констатировать резкое сокращение «фаворитизма» и крупной коррупции (хотя мелкая коррупция продолжала оставаться повсеместным явлением) и активизацию борьбы с хищениями государственной собственности и иными злоупотреблениями. Впервые проблема коррупции была поднята на государственный уровень и широко обсуждалась. Однако чиновники придумывали новые способы воровства, в обход мер, предпринимаемых Николаем I, который критически относился к успехам в этой области, говоря что в его окружении не воруют только он сам и наследник.

Следующим шагом в развитии Российского законодательства по борьбе со взяточничеством явилось Уголовное уложение 1903 года. Ст. 656 предусматривала три ситуации принятия служащим взятки: простое мздоимство, когда взятка принимается за уже учиненное служащим действие, входящее в круг его обязанностей по службе; квалификационное мздоимство – принятие взятки, заведомо данной для побуждения служащего к учинению такого действия по службе; лихоимство – принятие взятки, заведомо данной служащему «для побуждения его к учинению в круге его обязанностей преступного деяния или служебного проступка или за учиненные им такие деяния или проступок».

В начале XX века произошел всплеск количества взяточничества, связанного с теми фактами, что Российская империя участвовала в двух войнах – русско-японской и Первой мировой войне. Так, в законе от 31 января 1916 года «О наказуемости лихоимательства, об усилении в некоторых случаях наказаний за мздоимство и лихоимство» существенно повышалось наказание за мздоимство и лихоимство, в частности, в случаях, когда они были учинены по делам, касающимся снабжения армии и флота боевыми, продовольственными и иными припасами, пополнения личного состава и вообще обороны государства, а также железнодорожной службы. Эти же обстоятельства усиливали ответственность и за лихоимательство, которое объявлялось безусловно наказуемым. Как точно отмечал П. Берлин: «Если мы остановим свое внимание на главном поле российского взяточничества, то легко убедимся, что и люди, получавшие взятки, и люди, их дававшие, одновременно обогатели за один общий счет – казенный», вот почему оно расцветало у нас махровым цветом около казенных предприятий и учреждений, нанося ему колоссальные экономические потери, т.е. взяточничество не только нравственная, юридическая, но и экономическая проблема [5, с. 52].

Отсутствие должного материального обеспечения чиновничества – одна из причин распростра-

нения взяточничества среди служащих различных ведомств. Анализ этой причины посвящены ряд криминологических работ [6, 7, 8].

Советская власть с первых месяцев своего существования начала борьбу со взяточничеством, подвергая виновных суровым наказаниям вплоть до смертной казни. Большевистское правительство издало 8 мая 1918 года декрет «О взяточничестве», предусматривавший пятилетний срок заключения и конфискацию имущества. Почти одновременно с принятием этого декрета дела о взяточничестве были переданы в ведение революционных трибуналов. Уголовный кодекс 1922 года предусматривал за это преступление расстрел. Строгость наказаний за взятку росла постоянно, но масштабы взяточничества снизились из-за политики «военного коммунизма», когда практически отсутствовало денежное обращение, а функции органов управления были настолько неопределенными, что часто было неясно, кому именно следует давать. Массовое взяточничество того времени – это изделия из драгоценных металлов и мешки зерна, которыми расплачивались за возможность ввезти продовольствие в город. Зато при НЭПе контролирующая предпринимательскую деятельность чиновники вновь обрели возможности для требования взяток, резко увеличилось количество должностных преступлений. В 20-е годы взяточничество начали считать одной из форм контрреволюционной деятельности. В.И. Ленин называл взятку основной напастью в одном ряду с коммунистическим чванством и безграмотностью. В 1922 году была значительно повышена ответственность за получение взятки без отягчающих обстоятельств, за дачу взятки, посредничество во взяточничестве, оказания какого-либо содействия или непринятие мер противодействия взяточничеству. Составы о взяточничестве содержали ст. 117, 118, 119 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. Лица, виновные в получении взятки от уголовной ответственности за преступление не освобождались не при каких обстоятельствах.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. не было изменено описание признаков основного состава получения взятки, который характеризовался как получение должностным лицом лично или через посредника в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку какого-либо действия с использованием своего служебного положения (ст. 173). Однако изменилось описание квалифицированных видов этого преступления. Таковыми признавались: 1) ответственное положение должностного лица, получившего взятку; 2) судимость за взяточничество; 3) неоднократность получения взятки; 4) вымогательство взятки. Квалифицирующими признаками дачи взятки считались неоднократность и судимость за взяточничество. Они же имели квалифицирующее значение для посредничества во взяточничестве.

Закон в примечании к ст. 174 УК предусмотрел основания освобождения лица от уголовной ответственности: 1) если имело место вымогательство взятки; 2) если лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся. В 1962 году была принята статья 174 (прим.), которая предусматривала такой состав, как «посредничество во взяточничестве».

Общественно-политические условия в 90-е годы XX века, сложившиеся в Российском государстве, только поспособствовали расцвету взяточничества. Государственное устройство перекраивалось, нормативно-правовая база бессистемно менялась. В этот период также принимались акты, посвященные борьбе с коррупцией. Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал указ от 4 апреля 1991 г. № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», которым было положено начало нового этапа борьбы с коррупцией в России.

В действующем в настоящее время Уголовном кодексе РФ 1996 года закреплены следующие составы преступлений: ст. 290 «Получение взятки», ст. 291 «Дача взятки», ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве». В 2009 году было принято постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [7]. В 2016 году Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 291.2 «Мелкое взяточничество» (взятка в размере до 10 тыс. руб.).

К сожалению, по-прежнему актуальна фраза исследователя отечественного взяточничества П. Берлина, написанная им в 1910 году: «Через всю русскую историю, лишь увеличивая и уменьшая свои размеры, тянется колоссальное взяточничество, и взяткою широко пользуются, как отмычкой казенных сундуков, крышки которых гостеприимно раскрываются перед людьми, сумевшими в ответственный момент дать соответствующему человеку соответствующую взятку» [5, с. 45–46].

Резюмируя краткий исторический экскурс по борьбе со взяточничеством в Российском государстве, отметим, что мерами этой борьбы были суровые наказания (вплоть до смертной казни), попытки установления государственного контроля за деятельностью чиновников. Но привели ли они к успеху? Возможно, был прав русский писатель В.Г. Короленко, сказав: «Нет ничего более ошибочного, чем мысль, что казнями можно регулировать цены или отучить от взяточничества».

Сейчас заканчивается второе десятилетие XXI века и проблема взяточничества в нашем государстве – по-прежнему одна из острейших. 34 % опрошенных граждан РФ приходилось давать взятки в 2016 году [9]. Согласно исследованиям международного движения по противодействию коррупции Transparency International об индексе восприятия коррупции Россия занимала следующие места: в 2010 году – 154 место; в 2011 году – 143 место; в 2014 году – 136 место; в 2015 году – 119; в 2016 году – 131 [11]. Сложно сделать вывод, что мы успешно противодействуем взяточничеству.

По официальным данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации в январе–июне 2016 года выявлено 21359 преступлений коррупционной направленности, удельный вес которых в общем числе зарегистрированных преступлений по сравнению с аналогичным периодом 2015 года остался прежним – 1,8 %. Генеральная прокуратура отмечает в справке, что «впервые за несколько последних лет существенные положительные результаты достигнуты правоохранительными органами в противодействии взяточничеству: число выявленных фактов получения взятки превысило число случаев дачи взятки. При этом количество преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, в России увеличилось на 19,7% (с 3884 до 5027) , предусмотренных ст. 291 УК РФ, – на 4,4 % (с 4000 до 4176). Выявлено на 89,9% больше фактов посредничества о взяточничестве (640 против 337 в 2015 году) [12].

По данным МВД России «в 2016 году средняя взятка составляет 328 тыс. руб., это на 75% больше, чем было в 2015 году. Начальник подразделения МВД России генерал полиции Андрей Курносенко отметил: «Появляются новые методы конспирации, видоизменяются предмет взятки и способы ее передачи. Все чаще используются так называемый удаленный доступ, офшоры, аффилированные через третьих лиц фирмы, различные электронные платежные системы, взятки в виде услуг нематериального характера, факты получения которых доказать гораздо сложнее» [13].

Обратимся к опыту зарубежных государств по борьбе со взяточничеством. Считаем, что не только законодательное закрепление меры уголовной ответственности за взяточничество позволило им существенно снизить количество данных преступлений, а применение иных мер, связанных с предупреждением ситуаций, способствующих коррупционным проявлениям.

Будучи ограничены рамками статьи, данный обзор зарубежного опыта направлен на то, чтобы показать, какие меры предпринимают ведущие мировые державы для борьбы и предупреждения с этим коррупционным правонарушением. Подготовить данный обзор существенно помогла работа «Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование», подготовленная коллективом авторов в 2014 году [14].

В Великобритании закон о взяточничестве 2010 г. содержит два общих состава взяток: активное взяточничество – это предложение, обещание или предоставление финансовой или иной выгоды; пассивное взяточничество – требование и согласие получить финансовую или иную выгоду. Также законом были введены два специальных состава – дача взятки должностному лицу иностранного государства с целью получить или удержать бизнес или получить преимущество в ведении бизнеса на иностранной территории и корпоративная ответственность за непредотвращение взяточничества коммерческой организацией, приведшее к взяточничеству, совершенному от имени компании лицами, связанными с ней.

Наказание за активное и пассивное взяточничество, а также за взятку иностранному государственному должностному лицу следующее: физические лица подлежат тюремному заключению на срок до 12 месяцев и (или) штрафу в размере до 5000 фунтов стерлингов (если дело рассматривается в упрощенном порядке) и тюремному заключению на срок до 10 лет и (или) штрафу в неограниченном размере (если дело рассматривается судом присяжных).

В Канаде взяточничество является одной из наиболее очевидных и крайних форм неэтичного поведения лиц при выполнении должностных обязанностей. Уголовная ответственность за данное преступление предусмотрена для таких субъектов, как парламентарии, представители судебной власти, члены законодательных органов провинций. Лицо признается виновным в получении взятки в случае, если за

совершение какого-либо действия либо бездействие при исполнении должностных обязанностей получает или пытается получить какое-либо вознаграждение для себя или третьего лица. Уголовная ответственность предусмотрена и для лиц, дающих взятку. В случае признания лица виновным в даче либо получении взятки суд вправе назначить обвиняемому наказание в виде лишения свободы сроком до 14 лет.

Во Франции случаями получения взятки должностными лицами согласно французскому законодательству считают, когда лицо, являющееся представителем государственной власти или выполняющее задание органов государственного аппарата, принимает, требует или приказывает взимать в качестве государственных сборов или взносов, налогов или пошлин сумму, которая, как ему известно, не подлежит уплате или превышает причитающуюся сумму выплат.

Уголовным кодексом Франции за взятку предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет и штрафа до 1 млн евро. Размер штрафа может быть удвоен с учетом материальных выгод, полученных виновным в результате совершения преступления. Наказание для исполнителя или соучастника сокращается наполовину, если он предупредит административные или судебные власти о совершении деяния, что позволит прервать его совершение, а также в случае необходимости сможет назвать исполнителя или соучастника коррупционных деяний.

За дачу взятки частным лицом Уголовный кодекс предусматривает столь же строгие наказания: лишение свободы на срок до 10 лет и штраф до 1 млн евро, размер которого может быть удвоен с учетом материальных выгод, полученных виновным в результате совершения преступления.

В Италии наиболее опасным признается получение взятки за коррупцию, связанную с невыполнением служебных полномочий, когда государственный служащий бездействует, затягивает или ненадлежаще исполняет служебные обязанности либо совершает деяние, противоречащее возложенным обязанностям, получая для себя или для третьего лица деньги или другие преимущества либо их обещание. Виновный наказывается лишением свободы на срок от 4 до 8 лет (до принятия Закона 2012 г. предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет). За вымогательство взятки предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от 4 до 12 лет.

В Уголовном кодексе Испании различаются четыре типа взяточничества с различными наказаниями, а также взяточничество классифицируется на пассивное и активное.

Четыре различных типа взяточничества в государственном секторе устанавливаются с учетом обстоятельств взятки:

а) государственному должностному лицу предлагается взятка за совершение действий, противоречащих его обязанностям, или за воздержание от их выполнения либо за необоснованное задержание исполнения должных обязанностей, это деяние является наиболее тяжким видом взяточничества; наказание в виде лишения свободы от трех до шести лет, штраф составляет от 720 евро до 288 тыс. евро, а также специальный запрет занимать должности в государственном секторе на срок от 7 до 12 лет;

б) взяточничество совершено должностным лицом осуществляющим функцию, присущую его (ее) должности; лишение свободы на срок от двух до четырех лет, штрафом в размере от 720 до 288 тыс. евро, а также специальным запретом занимать должности в государственном секторе сроком от трех до семи лет;

в) взятка предоставляется государственному должностному лицу в качестве награды за определенное действие, уже совершенное ранее; наказание как за первый или второй типы в зависимости от конкретных обстоятельств;

г) взятка дается государственному должностному лицу в связи с его должностью или обязанностями, которые должны были быть исполнены, когда не представляется возможным доказать существование причинно-следственной связи между конкретным действием государственного должностного лица и получением взятки; более мягкое наказание: лишение свободы на срок от шести месяцев до одного года и запрет занимать должности в государственном секторе сроком от одного года до трех лет.

Взятка может состоять из подарков, услуг или «пользы» любого рода, в том числе взятки в качестве компенсации морального характера.

В случае активного взяточничества в отношении должностного лица за выполнение действий, связанных с государственными контрактами, грантами или публичными торгами, частным лицам и компаниям запрещается получать государственные субсидии, заключать контракты с государственным сектором, а также получать налоговые вычеты на срок от трех до семи лет.

В Германии наказание за дачу взятку – лишение свободы на срок от шести месяцев до пяти лет или штраф. В менее тяжких случаях максимум лишения свободы снижается до трех лет. Покушение на данное преступление тоже наказуемо. Если неправомерное действие по службе совершается судьей, последний может быть подвергнут лишению свободы на срок от одного года до 10 лет (в менее тяжких случаях – от шести месяцев до пяти лет). Получение судьей взятки наказывается существенно строже, чем дача ему взятки (за получение судьей взятки лишение свободы на срок от одного года до 10 лет, а за дачу судье взятки – до пяти лет).

Эффективной является зарубежная практика использования в качестве уголовной меры безопасности института конфискации в тех случаях, когда владелец доходов не может подтвердить их законное происхождение, или в качестве допустимой альтернативы конфискации – интенсивное налогообложение таких доходов.

В США и Италии наиболее распространена гражданская конфискация, которая применяется когда невозможно применить уголовную конфискацию (например, преступник скрывается от правосудия; активы найдены, а преступник неизвестен; преступник имеет правовой иммунитет, защищающий его от уголовного преследования и др.). Все большее число зарубежных государств поддерживали данную меру и внедрили в своем национальном законодательстве.

Даже из такого краткого обзора видно, что и в России, и в ведущих зарубежных государствах в целом установлены сходные составы взяточничества и меры ответственности за нее, но уровень коррупции, в том числе и взяточничества различен. На наш взгляд, дело скорее в другом – в наличии системных мер по предупреждению взяточничества. В Российской Федерации в последние годы были восприняты многие меры из зарубежного опыта, ратифицированы конвенции, принято национальное законодательство. Но, судя по статистике, к заметным успехом по борьбе со взяточничеством это не привело.

Основываясь на зарубежном опыте, можно резюмировать, что эффективной борьба со взяточничеством будет, если:

а) борьба с коррупцией будет носить системный, а не фрагментарный характер;

б) существуют повышенные требования нравственного характера к кандидатам на должности государственной и муниципальной службы. «Главный фактор, порождающий коррупцию, – низкий уровень нравственных характеристик государственных служащих» [15, с. 80]. Русский писатель А. Кабаков справедливо и емко подметил, что «Проблема коррупции – это проблема приличий...». Во многих государствах приняты и реально применяются правовые акты, в которых содержатся этические нормы поведения служащих (например, «Кодекс гражданской службы» (Великобритания), «Принципы этического поведения чиновников и служащих» (США) и Закон об этике (США), «Кодекс правил поведения, обязательных для всех государственных служащих в случае возникновения конфликта между их должностными обязанностями и личными интересами» (Канада)). Считаем целесообразным для примера привести семь принципов государственной работы чиновников Великобритании: неподкупность, нестяжательство, объективность, подотчетность, открытость, честность, лидерство;

в) эффективная организация административной системы;

г) ключевой мерой по противодействию коррупции, предупреждению взяточничества станет прозрачность и информационная открытость органов государственной власти, в том числе и открытость принятия решений должностными лицами (например, в Испании в 2013 году был принят Закон о гласности, доступности информации и качественном административном управлении);

д) существует реальное взаимодействие между системами государственного и общественного контроля над деятельностью органов власти; действуют развитые институты гражданского общества, в том числе и независимые средства массовой информации. Должен быть сформирован механизм самостоятельной антикоррупционной активности российского общества. Как говорил английский политик XVII века Джордж Галифакс: «Человек лучше всего следит за собой тогда, когда другие следят за ним тоже»;

е) в государстве реализован принцип неотвратимости наказания за коррупционные преступления независимо от должностного положения, и, что немаловажно, существует независимость системы правосудия.

В обществе не должно быть снисходительного, сочувственного отношения к взяточничеству. Как подметил профессор Н.А. Власенко, «недостатки культуры и воспитания, стагнацию духовности и

мировоззрения исправить с помощью права, в том числе институтами юридической ответственности, вряд ли возможно» [16, с. 178]. По конкретным действиям государственных органов формируется и уважительное отношение народа к власти.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (в ред. 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. – 2013. – 17 июля.
2. *Аристотель*. Сочинения в 4-х тт. – М.: Мысль, 1983. Т. 4.
3. Указ от 17.03.1714 «О должности фискалов» // Хрестоматия по истории государства и права России / Сост. Ю.П. Титов. – М., 2002.
4. *Лохвицкий А.* Курс русского уголовного права. – СПб., 1871.
5. *Берлин П.* Русское взяточничество как социально-историческое явление // Современный мир. – 1910. – № 8.
6. *Дашикова Л.Г.* Криминологические проблемы взяточничества: дисс. ... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. – Л., 1996. – С. 80.
7. *Кирпичников А.А.* Взятка и коррупция в России. – СПб., 1997. – С. 210.
8. *Захаров В.В.* Экономика дореформенного правосудия в России (вторая треть XIX века) // История государства и права. – 2014. – № 23.
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. – 2009. – 30 октября.
10. Общая картина коррупционной реальности в таблицах и графиках // Коммерсант. – 2017. – 29 марта
11. Центр антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р». URL: <https://transparency.org.ru/> (дата обращения: 01.12.2017).
12. Аналитическая справка «О состоянии работы по выявлению коррупционных преступлений, следствия и прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупцией за первое полугодие 2016 года» // Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. URL: <http://genproc.gov.ru/> (дата обращения: 01.12.2017).
13. Информационное агентство «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/finances/15/03/2017/58c999aa9a79472d307b5868> (дата обращения: 02.12.2017).
14. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / В.Ю. Артемов, И.С. Власов, Н.А. Голованова и др.; отв. ред. И.С. Власов. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2014.
15. *Тавокин Е.П., Шишова Ж.А., Широкова О.В.* Коррупция в органах российской государственной власти // Социологические исследования. – 2014. – № 5.
16. *Власенко Н.А.* Кризисные явления в законодательстве современной России // Юридическая техника. – 2015. – № 9.

BRIBE: CRIME, PUNISHMENT, PREVENTION (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)

Kamenskaya E.V.,

*Candidate of legal sciences, associate professor,
head of chair of theory and history of state and law
of Moscow Witte University*

The article is devoted of bribery in states, as to methods of its interrupting. The author the special attention is drawn to the history of arising of bribery in Russia.

Keywords: Corruption, prevention of corruption, bribe, legislation on responsibility for bribery, bribery, public authorities, public service

УДК 341.81

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССА И БЕЗОПАСНОСТИ ФСИН РОССИИ

Лапицкий Юрий Анатольевич,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса,

e-mail: youriy62rus@mail.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте,

<http://www.muiv.ru>

В статье рассматриваются вопросы уголовно-процессуальной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации; вопросы деятельности отделов специального назначения Федеральной службы исполнения наказаний при обеспечении безопасности указанной структуры.

Ключевые слова: исполнение наказания, обеспечение безопасности, отделы специального назначения, процессуальная деятельность, Федеральная служба исполнения наказания

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-58-60

Говоря о процессуальной деятельности ФСИН России, следует отметить, что, исходя из анализа действующих законодательных и нормативных актов, таких как ФЗ об оперативно-розыскной деятельности, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд и других, ФСИН России относится к органу дознания.

Думается, что редакция указанных нормативных правовых актов требует совершенствования.

Например, статья 40 УПК РФ «Орган дознания» относит к органам: органы внутренних дел Российской Федерации и входящие в их состав территориальные, в том числе линейные, управления (отделы, отделения, пункты) полиции, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности; органы Федеральной службы судебных приставов; начальников органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиров воинских частей, соединений, начальников военных учреждений и гарнизонов; органы государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы.

На органы дознания возлагаются:

- дознание по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно – в порядке, установленном УПК РФ;
- выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно – в порядке, установленном УПК РФ;
- осуществление иных действий, предусмотренных УПК РФ. Возбуждение уголовного дела в порядке, установленном УПК РФ, и выполнение неотложных следственных действий возлагаются также на капитанов морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании – по уголовным делам о преступлениях, совершенных на данных судах;
- руководителей геолого-разведочных партий и зимовок, начальников российских антарктических станций и сезонных полевых баз, удаленных от мест расположения органов дознания, указанных в ст. 40 УПК РФ – по уголовным делам о преступлениях, совершенных по месту нахождения этих партий, зимовок, станций, сезонных полевых баз;
- глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации – по уголовным делам о преступлениях, совершенных в пределах территорий данных представительств и учреждений.

Как видим из рассмотренной нормы уголовно-процессуального закона, не ясно, являются ли начальники исправительных учреждений, СИЗО, тюрем органами дознания. Комментируемая норма говорит лишь об иных органах исполнительной власти, наделенных в соответствии с федеральным

законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Да, ФЗ об оперативно-розыскной деятельности указывает в числе субъектов оперативно-розыскной деятельности ФСИН России, но не начальников исправительных учреждений СИЗО и тюрем.

Другой пример. Согласно ст. 157 УПК РФ производство неотложных следственных действий. При наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания в порядке, установленном УПК РФ, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия. Неотложные следственные действия производят: органы дознания, указанные в ст. 151 УПК РФ, по всем уголовным делам, за исключением уголовных дел, указанных в пунктах 2–6 части второй комментируемой статьи, а также уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 198–199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации; органы федеральной службы безопасности – по уголовным делам о преступлениях, указанных в пункте 2 части второй ст. 151 УПК РФ; таможенные органы – по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 173.1, 173.2, 174, 174.1, 189, 190, 193, 193.1, 194 частями 3 и 4, 200.1 частью 2, 200.2, 226.1, 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, выявленных таможенными органами Российской Федерации; начальники органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, командиры воинских частей, соединений, начальники военных учреждений и гарнизонов – по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона; начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно и о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами; иные должностные лица, которым предоставлены полномочия органов дознания в соответствии со ст. 40 УПК РФ. После производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа в соответствии с пунктом 3 ст. 149 УПК РФ. После направления уголовного дела руководителю следственного органа, орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

В ст. 157 УПК РФ законодатель говорит о начальниках учреждений и органов уголовно-исполнительной системы – по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами. И никак не о ФСИН РФ.

Таким образом, автор полагает, что в ст. 40 УПК РФ надо прямо указать, что к органам дознания относятся начальники исправительных учреждений, СИЗО, тюрем. Термины, указанные в ст. 157 УПК РФ, также упорядочить и прописать – «начальники исправительных учреждений, СИЗО и тюрем».

Несколько строк об отделах спецназначения ФСИН России, которые наряду с другими подразделениями уголовно-исполнительной системы обеспечивают безопасность этой структуры. Отменим, что базовым отделам (отрядам) специального назначения ФСИН России в апреле 2017 года исполнилось 23 года. С момента создания и до настоящего времени указанные структуры показали свою боевую мощь и профессионализм, решая задачи по обеспечению безопасности ФСИН России. В последние годы мы не слышим о захвате заложников и массовых беспорядках в местах лишения свободы. А ведь 23 года назад волна этих преступлений накрывала исправительные учреждения. Думается, что благодаря этим подразделениям удалось до минимума свести захват заложников, массовые беспорядки, дезорганизацию деятельности исправительных учреждений. К сожалению, в литературе сегодня информация о деятельности спецназа УИС РФ крайне скудна.

Таким образом, автор полагает, что новыми в данной работе являются следующие положения и результаты:

1. В ст. 40 УПК РФ прописать, что органами дознания являются начальники исправительных учреждений, начальники СИЗО и тюрем.

2. Статью 157 УПК РФ, где речь идет об исправительных учреждениях привести в соответствие с новой редакцией ст. 40 УПК РФ, а именно – «начальники исправительных учреждений, СИЗО и тюрем».

3. Спустя 23 года с момента создания, можно утверждать, что, благодаря возникновению спецназа ФСИН России, в исправительных учреждениях снизилось число захвата заложников, массовых беспорядков, дезорганизации деятельности исправительных учреждений.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Юрид. лит., 2017.
2. Приказы МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, Следственного комитета РФ №68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

TOPICAL ISSUES OF PROCESS AND SECURITY OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Lapitsky Yu. A.,

*candidate of law. N., associate Professor,
associate Professor of criminal law and procedure,
Moscow Witte University*

The article discusses: the law-enforcement activities of the Federal service of execution the case of the Russian Federation; the activities of the special forces units of the Federal service for the execution scenario, when the security of this structure.

Keywords: punishment, security, special forces units, the operation process, the Federal service of execution of punishment

УДК 159.99

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА

Пшеничная Виктория Викторовна,

канд. псих. наук,

доцент кафедры психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин,

e-mail: vvp.990@yandex.ru,

ЧОУ ВО Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва,

www.muiiv.ru

В статье рассмотрены правовые вопросы деятельности психолога в реалиях современного российского законодательства. На основе анализа правовых аспектов реализации профессиональной психологической помощи населению обоснована необходимость усовершенствования законодательства в сфере оказания психологических услуг.

Ключевые слова: организация, психолог, право, закон, услуга, психологическая помощь

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-61-64

Одной из главных проблем правовой науки считается исследование эффективности правовых предписаний, норм, что подразумевает анализ общественного механизма воздействия права.

В период формирования рыночных отношений в Российской Федерации отмечается существенное увеличение количества производимых работ и оказываемых услуг. Сейчас возникает все больше предложений частнопрактикующих специалистов, оказывающих услуги в области психологии. Подобный всплеск популярности данного рода предложений, имеет и ряд негативных моментов, которые связаны с качеством оказываемых услуг. Не редки случаи оказания психологических услуг неадекватного качества. Это подрывает доверие граждан к самой психологической науке и практике. В связи с этим, следует также отметить, что данные услуги имеют определенную специфику, которая связана с невозможностью объективно определить их качество, так как результат может быть весьма отдаленным. В то же время развитие экономических отношений требует, чтобы легитимное регулирование отдельных видов предпринимательской деятельности соответствовало реальности. Это касается и оказания психологических услуг. Очень близки по своей специфике к психологическим и педагогические услуги. Например, сегодня широкое распространение получила профессия няни или гувернантки. И неизбежно встает вопрос о том, какие же нормы права работают в сфере психологических и педагогических услуг?

В соответствии с п. 1 ст. 48 Закон «Об образовании», индивидуальная трудовая педагогическая деятельность, сопровождающаяся получением доходов, рассматривается как предпринимательская и подлежит государственной регистрации, но не подлежит лицензированию [4]. А деятельность психолога зачастую тесно связана с педагогической деятельностью, если это касается оказания услуг по развитию ребенка. Ведь именно развитие детей становится сегодня наиболее популярной психологической услугой. Но с деятельностью психолога поднимается и ряд проблем.

Во-первых, деятельность психолога очень разносторонняя. В нее входит и коррекционная деятельность, и консультативная, и диагностическая и множество иных. Пока не существует исчерпывающего определения, которое могло бы удовлетворить всех. Ситуация осложнена и тесной взаимосвязью педагогики и психологии, так как услуги в сфере психолого-педагогической деятельности способствуют развитию личности.

Во-вторых, оказание психологических услуг не является оказанием медицинских услуг. В соответствии с п. 4 Положения о лицензировании медицинской деятельности, оказанием именно медицинских услуг считается только оказание доврачебной, амбулаторно-поликлинической, стационарной, скорой и санаторно-курортной помощи специалистом, который имеет профессиональное медицинское образование [6]. Однако квалификационный справочник должностей не устанавливает к психологу требование знания анатомии, физиологии и владения познаниями в медицине [7].

Таким образом, можно сделать общий вывод об отсутствии подзаконных актов, как правовой базы оказания услуг психолога. То, что стандарты оказания таких услуг на данный момент отсутствуют, является причиной правовых нарушений в данной сфере. Только в 2017 году появился профессиональный стандарт педагога-психолога в сфере образования, однако психолог, имеющий частную практику, не подходит под данную категорию.

Рассмотрим отношения между обратившимся лицом и психологом с позиций иерархически высших норм гражданского права.

В п. 2 ст. 779 ГК Российской Федерации предусмотрено использование положений главы о возмездном оказании услуг к соглашениям об оказании консалтинговых, образовательных и других услуг, не сопряженных с реализацией контрагентом исполнителя предпринимательской деятельности [3]. При этом ст. 783 ГК кроме того учитывает использование общих положений о бытовом подряде к договору об оказании услуг в случае, если это не противоречит нормам ст. 779–782 ГК. Также это не должно противоречить и особенностям предмета соглашения возмездного оказания услуг [3].

В силу особенности психологических услуг, не представляется возможным подвергнуть проверке качество их выполнения, так как итог пользования основательно отсрочен во времени. Тем более этот итог в непредсказуемой степени находится в зависимости от личных черт клиента (покупателя), а значит, речь стоит вести непосредственно об оказании услуг, которые потребляются уже в момент их оказания. Интересно, что деятельность психолога является специфическим видом труда в современном обществе. Профессиональная компетентность выступает той интегральной характеристикой, которая позволяет судить и об уровне подготовленности психолога, и о той помощи, которую он может оказать.

Если поразмышлять над целями обращения к специалисту-психологу, то обнаружится, что это обычно делается в личных либо семейных целях и не преследует извлечение выгоды. Таким образом, абсолютно обоснованным представляется использование Закона «О защите прав потребителей» в качестве нормативного акта, регулирующего взаимоотношения между обратившимся (клиентом) и исполнителем услуг (психологом) [5]. Из этого утверждения следует прямое наличие у обратившегося абсолютно всех прав, предусмотренных Законом «О защите прав потребителей».

Наиболее значимыми, в этом случае, являются право на информацию об услуге и её сути, а также право на безопасность оказания услуг, которые обозначены соответственно в п. 1 ст. 7 и п. 1 ст. 8 данного Закона [5]. Подробный анализ работы психологов раскрывает следующее: в процессе оказания услуг исполнитель вступает во взаимодействие с психологическими процессами, с сознательным и бессознательным личности. Чтобы помочь клиенту, психолог должен получить от последнего и информацию личного характера. Формирование психических процессов, необходимых для социализации человека, его эффективной самореализации в социуме, а также корректировка поведения невозможны без такого взаимодействия. А поскольку каждое взаимодействие обладает собственным результатом и воздействием на какой-либо поведенческий отклик, то можно уверенно говорить, что оказание психологических услуг непосредственно воздействует не только на психическое, но и на социальное благополучие личности.

Таким образом, сложно переоценить значимость названных прав, так как, по сути, оказываемые услуги сопровождаются непосредственным влиянием на нервную систему человека, а в силу ст. 22 Конституции РФ личность физически и психически неприкосновенна [1]. Следует отметить, что при оказании психологических услуг, эта норма права имеет особое значение. Например, обратившийся потребитель (клиент) имеет право узнавать о том, какие методы будут использованы в психологическом консультировании или диагностике. Клиент также вправе узнать, в какой мере используемые методы воздействия могут затронуть основы его личности и психики. Законом «О защите прав потребителей» (ст. 15) определена ответственность исполнителя за нанесение морального ущерба потребителю, наступившего из-за нарушения прав самого потребителя (в том числе права на информацию) [5]. Кроме того, определена возможность взыскания ущерба, причиненного самочувствию потребителя (ст. 14), при условии доказанной вины исполнителя [5]. Для оказания квалифицированной психологической помощи важно и то, что если психолог выявит обстоятельства, которые могут мешать безопасному оказанию услуг, он незамедлительно должен проинформировать об этом клиента. Это положение Закона входит в систему с нормой, согласно которой исполнитель, отказываясь от исполнения, обязан возвра-

тить сумму, оплаченную за предоставление услуги. Данная норма, несомненно, распространяется и на оказание психологических услуг. В соответствии с этим, отсутствие достоверной информации об услуге, от которой потребитель может отказаться, ставит в опасность причинение ущерба его здоровью. Воздействие на нервную систему разными способами обязано быть санкционировано лично покупателем. Значение статьи 8 Закона «О защите прав потребителей» предполагает презумпцию осведомленности покупателя относительно используемых способов и методов оказания услуги [5].

Поэтому необходимо письменное согласие потребителя на воздействие всеми предложенными психологом способами, с особенностями которых он также под роспись должен быть ознакомлен. В противном случае исполнитель лишается возможности ссылаться на осведомленность потребителя при заключении договора.

Безопасность оказания услуги означает, что исполнитель принимает все известные науке меры для предотвращения негативных последствий ее оказания. Важно, чтобы сам специалист в сфере психологии понимал специфику своих услуг, а также обеспечивал их безопасность для клиента. Тут встает вопрос о профессиональной компетентности психолога и безопасности тех методов, которые он применяет.

К сожалению, деятельность специалистов в сфере психологии гражданское законодательство не рассматривает как источник высокой опасности. Хотя очевидно существуют конкретные причины для этого. Ведь предоставление услуги психологического характера имеет своим результатом трансформацию поведения личности в социуме. Поскольку в процессе собственной жизнедеятельности человек взаимодействует с другими личностями, любое отрицательное поведение, спровоцированное некачественным оказанием услуги психологом, формирует угрозу для материальных и нематериальных благ широкого круга лиц. Однако возникает большая сложность в доказательстве причастности специалиста-психолога, оказавшего некачественную услугу, к какому-либо происшествию правового порядка. Представляется, что в будущем появится потребность переосмыслить критерии отнесения психологических услуг к источникам высокой угрозы в сторону расширения их толкования.

Таким образом, на данном этапе формирования законодательства и судебной практики прослеживается недоработка правовой основы в сфере оказания психологических услуг, что открывает дорогу злоупотреблениям со стороны недобросовестных предпринимателей, чаще всего преследующих только собственные финансовые интересы и использующих имеющиеся у них познания о воздействии на психику человека.

Любой человек с собственными переживаниями единичен и уникален. Обращаясь к специалисту-психологу он фактически не защищен в правовом аспекте. Ни потребитель, ни психолог-практик не могут остановить течение жизни, скорректировать ситуацию или констатировать ее безвыходность, как, скажем, экспериментатор прекращает исследование, констатируя его бессмысленность, либо изменяет его условия. В этих целях важно придерживаться правил и норм, которые определяются социально-правовыми и профессионально-этическими нормами работы практических психологов.

Любое неквалифицированное применение инструментария психодиагностики, психокоррекции и психологического консультирования способно причинить непоправимый ущерб жизни и деятельности человека, а также скомпрометировать саму психологическую работу. На наш взгляд, именно достаточно строгие требования как к правовой компетентности, так и к личности психолога являются препятствием для полноценного развития психологических услуг в современном отечественном социально-экономическом пространстве. К сожалению, в процессе подготовки специалистов в области психологии, развитию правовой компетентности личности студентов не уделяется должного внимания. Развитие правовой культуры психолога в современных реалиях нашего государства имеет архиважное значение, так как именно сегодня эта профессия набирает популярность и становится востребованной. И именно поэтому возникает потребность не только в обучении студентов психологических специальностей современным методам работы, но и в развитии правовой культуры личности будущего молодого специалиста. Знание правовых основ своей деятельности определяет имидж специалиста, является доказательством его компетентности и добросовестного отношения к своей работе.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). – М.: Юрид. Лит. – 2009. – 64 с.
2. Устав Всемирной организации здравоохранения (Нью-Йорк, 22 июля 1946 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/RU/constitution-ru.pdf> (дата обращения: 20.09.17).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (принят 26.01.1996 № 14-ФЗ). – М.: Проспект. – 2016. – 192 с.
4. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (от 29.12.2012 № 273-ФЗ). – М.: Сфера. – 2014. – 192 с.
5. Закон «О защите прав потребителей» (принят 07.02.1992 № 2300-1), в ред. от 03.07.2016. – М.: Мир. – 2016. – 281 с.
6. Положение о лицензировании медицинской деятельности (от 22 января 2007 г.) // Российская газета, № 19 от 31.01.2007
7. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих. – М.: Эксмо. – 2014. – 231 с.

LEGAL ASPECTS OF PSYCHOLOGIST

Pshenichnaya V.V.,

*Candidate of Psychological Sciences, associate Professor
at the Department of psychology, pedagogics and social and humanitarian disciplines,
Moscow Witte University, Moscow*

The article deals with the legal issues of the psychologist in the realities of modern Russian legislation. On the basis of the analysis of legal aspects of realization of professional psychological help to the population the necessity of improvement of the legislation in the sphere of rendering psychological services is proved.

Keywords: organization, psychologist, law, law, service, psychological assistance

УДК 343.4

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 212.1 УК РФ

Воеводина Александра Игоревна,

*помощник Преображенского межрайонного прокурора г. Москвы,
аспирант Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
e-mail: alexandravojevodina@yandex.ru*

Статья посвящена проблематике теоретического осмысления ст. 212.1 УК РФ, а также выявленным в ходе уголовного судопроизводства сложностям, связанным с ее применением.

Ключевые слова: публичные мероприятия, криминализация, уголовная ответственность

DOI 10.21777/2587-9472-2018-1-65-67

Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях»¹ от 21.07.2014 № 258-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ)² введена статья – ст. 212.1 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования. Это смелое решение законодателя стало своеобразным зеркалом общественно-политической обстановки в Российской Федерации в сфере организации и проведения публичных мероприятий.

Появление новых составов преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации есть отображение социально-правовой действительности в государстве. Общественные и общественно-политические события не могут не найти отклик в современном законодательстве.

К сожалению, тщательная теоретическая разработка указанной проблематики до принятия указанной нормы не проводилась учеными криминологами и специалистами в сфере уголовного права. В связи с чем, выявляя особенности элементов состава преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ необходимо обращаться к теории общей части уголовного права, а также проследить развитие института уголовной ответственности в сфере публичных мероприятий в зарубежных правовых системах.

Следует отметить, что в законодательстве Республики Беларусь [1], Латвийской Республики [2], Республики Узбекистан [3] нормы, устанавливающие уголовную ответственность за нарушения в сфере публичных мероприятий, появились ранее.

Актами международного права закреплено право на мирные собрания. Данные нормы нашли свое отражение в законодательстве Российской Федерации. В соответствии со ст. 31 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)³ граждане имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Порядок организации и проведения указанных публичных мероприятий установлен нормами Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»⁴.

Справедливо считается, что свобода манифестаций является одним из проявлений свободы личности, представляя собой возможность беспрепятственно участвовать в политической жизни общества [5].

Авторами законопроекта, которым введена ст. 212.1 УК РФ, отмечается, что реализация положения ст. 31 Конституции РФ сопряжена с необходимостью установления границ, переход через которые повлечет нарушение иных конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также, в качестве

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» от 21.07.2014 № 258-ФЗ // Российская газета. 2014. 30 июля.

² Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁴ Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 02.05.2015) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Российская газета. 2004. 23 июня.

иллюстрации приведены неутешительные статистические данные⁵ о зарегистрированных административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)⁶.

Налицо усматривается существенный разрыв между существующей правовой нормой и ее реализацией в рамках складывающихся общественных отношений. Необходимая и подразумеваемая ссылка на закон, устанавливающий не только права, но и обязанности, а также основания применения мер юридической ответственности за их неисполнение, по замыслу законодателя входит в противоречие с нормами о прямом действии закона государства, имеющего высшую юридическую силу. В связи с указанным, уровень правосознания неспециалиста в области юриспруденции может сказаться на искажении уяснения данной нормы Конституции РФ, что неизбежно повлечет за собой существенные нарушения при ее реализации.

Социально-правовая обусловленность появления нового состава преступления вызвана целым рядом факторов, таких как недостаточная согласованность норм права, посвященных публичным мероприятиям, что вызывает сложности уяснения их смысла, существенное возрастание числа совершенных повторно административных правонарушений, указывающих на недостижение своих целей институтом административного наказания, возникновение в обществе настроений, направленных на дестабилизацию внутривластной и социальной ситуации в стране.

Так как Российская Федерация ставит приоритетом внутренней политики обеспечение безопасности государства, законодатель не мог пренебречь обозначенными социально-правовыми предпосылками, в связи с чем ряд законодательных актов претерпел изменения, направленные на совершенствование законодательства о публичных мероприятиях.

Диспозиция ст. 212.1 УК РФ является бланкетной. Указанным обстоятельством усложняется определение преступности и наказуемости деяния в силу обширности законодательных актов, посвященных публичным мероприятиям. Судебная, а также следственная и прокурорская практики затрудняются при таком количестве подлежащих применению законов и подзаконных нормативно-правовых актов.

В связи с тем местом, которое заняла данная статья в УК РФ, возникает вопрос об объекте преступления. По своему содержанию норма ст. 212.1 УК РФ имеет своей задачей охрану прав и свобод неопределенного круга лиц, человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение совершения сопряженных преступлений в сфере публичных мероприятий, практически полностью отражая задачи уголовного законодательства в целом, согласно положениям ч. 1 ст. 2 УК РФ.

Направленность на охрану широкого круга общественных отношений указывает на особую значимость данного состава преступления. Представляется, что необходимо ввести в УК РФ отдельную главу, посвященную преступлениям, совершаемым в сфере публичных мероприятий.

Указанный состав преступления также вновь поднял вопрос об административной преюдиции в уголовном законодательстве. Отмечалось, что «два или более административных правонарушения не изменяют природы административно-противоправного деяния ввиду отсутствия в нем признака общественной опасности, т.е. количество проступков не может перерасти в качество преступления» [6]. Можно долго продолжать поднятые учеными-правоведами дискуссии, посвященные проблематике административной преюдиции в законодательстве Российской Федерации, однако в рамках конкретной общественно-политической действительности складывается точка зрения о том, что административная преюдиция, стихийно появившись в рамках отечественного уголовного законодательства, не стала просто резонансным вызовом для науки и практики.

Разумеется, в условиях современной правовой ситуации сложно дать однозначную оценку данной позиции, вместе с тем приводимые статистические данные заставляют задуматься о смысле существования в рассматриваемой сфере понятий административного правонарушения и административно-

⁵ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 485729-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» // СПС «Консультант-Плюс».

⁶ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Российская газета. 2001. 31 декабря.

го наказания вообще в виду их явного несоответствия тем масштабам, с которыми приходится бороться государству в лице своих органов. В данном случае речь идет не просто о количественной совокупности, а о сохраняющейся тенденции, на которую невозможно не отреагировать законодворцу.

Введение состава преступления неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования в УК РФ объясняется необходимостью охраны прав и свобод неопределенного круга лиц, человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение совершения сопряженных преступлений в сфере публичных мероприятий.

Появление указанной статьи в отечественном уголовном законодательстве поднимает серьезные вопросы теории и правоприменительной практики. Представляется необходимой подробная научная разработка данного состава преступления, определение его места в сегодняшней правовой действительности Российской Федерации.

Наука уголовного права, конечно, всецело не посвящает себя проблемам, с которыми сталкиваются юристы-практики, особенно сотрудники правоохранительных органов, однако в условиях, когда на двух чашах весов находятся противоположные интересы, подкрепленные конституционными правами, инкорпорированными в отечественное законодательство из источников международного права, от органов государственной власти требуется особое внимание к данным правоотношениям и правонарушениям. В этой связи нельзя не упомянуть о необходимости разработки межведомственных рекомендаций по выявлению, раскрытию, расследованию преступлений, предусмотренных ст. 212.1 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Режим доступа: http://etalonline.by/?type=text®num=HK9900275#innerNavigate_2226. (дата обращения: 15.05.2017).
2. Уголовный кодекс Латвийской Республики. – Режим доступа: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html. (дата обращения: 17.05.2017).
3. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – Режим доступа: http://lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=111457&ONDATE=11.08.2015%2000#edi2724280. (дата обращения: 17.05.2017).
4. Цырендоржиева Д.Ш., Буянтуева Р.С. Реализация свободы манифестаций в России / науч. ред. И.И. Осинский. – Улан-Удэ, 2014. – С. 3.
5. Кузнецова Н.Ф. Основные черты Особенной части УК РФ // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 1996. – № 5.

SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION AND APPLICATION OF THE ARTICLE 212.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Voevodina A.I.,

*assistant to the Preobrazhensky inter-district prosecutor of Moscow,
graduate student of the Academy of the Prosecutor
General's Office of the Russian Federation*

The article is devoted to the problems of theoretical comprehension Art. 212. 1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as difficulties encountered in the course of criminal proceedings related to its application.

Keywords: public events, criminalization, criminal responsibility

**Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте.
Серия 2. Юридические науки
№ 1 (14)' 2018**

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор

Альтенгоф А.А.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8(495) 783-68-48, доб. 45-11.

Электронное издание.

Подписано в тираж 09.04.2018

Печ. л. 8,5. Усл.-печ. л. 7,9. Уч.-изд. л. 4,9.

Объем 7,89 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 40) экз. Заказ № 18-0099.

Отпечатано в ООО «СиДи Копи»,
111024, Москва, ул. Пруд Ключики, д. 3, тел. 8 (495) 730-41-88